

Гай Юлий Орловский

Фич@рд

Длинные Руки —
маркиз

Вообще-то я орел, набрал артефактов по самое не могу. Если оставаться в песочнице, то есть на уровне единоборств, то я непобедим. Если только не встречу дядю покруче, тоже не желающего менять короткие штанишки подростка на костюм взрослого.

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – маркиз

«ЭКСМО»

2008

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – маркиз / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2008 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-26406-3

Вообще-то я орел, набрал артефактов по самое не могу. Если оставаться в песочнице, то есть, на уровне единоборств, то я непобедим или почти непобедим. Если только не встречу дядю покруче, тоже не желающего менять короткие штанишки подростка на костюм взрослого. Но сейчас я, Ричард Длинные Руки, гроссграф и вообще красавец, на пороге неприятного взросления и всех связанных с этим проблем.

ISBN 978-5-699-26406-3

© Орловский Г. Ю., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	60
Глава 11	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – маркиз

Часть 1

Глава 1

Сапоги погружаются в накаленный песок по щиколотку. Жар проникает сквозь толстую кожу и даже двойную подошву с такой мощностью, будто иду по горящим углям. Крупная ящерица с жутко разинутой красной пастью метнулась в мою сторону, стремительная, словно оранжевая молния. Нога, обутая в сапог, встретила ее на полдороге. Челюсти рептилии сухо щелкнули, она отлетела в сторону и пристыженно зарылась в подножье бархана.

Рефлексы срабатывают молниеносно, все-таки вижу такую первый раз, но кто ежедневно перебегал дорогу перед транспортом в часы пик, отточил движения и реакции, сам того не замечая. Я подвигал плечами, удобнее устраивая там меч и лук, раздраженно ускорил шаг.

Я понимаю, когда не удастся что-то у других, так вообще-то и должно, они ж дураки, но когда не удастся мне, это какая-то нелепица, ни в одни ворота не лезет, и понять такое невозможно. Вообще-то несправедливость какая-то.

Я мечтал попасть на Юг, а попал в его тюрьму. И народ здесь мне очень-очень не понравился. Все подлые, все глотки рвут один другому... К счастью, через час-другой перешагну порог двери герцога Луганера и окажусь на свежем морозном воздухе. Здесь день, значит, там выйду ночью, проберусь неслышно в спальню, а утром изумленная служанка обнаружит меня в постели.

Нет, первым, еще на лестнице, почует Бобик, только бы на радостях не перебудил замок, дурашка.

Очередной оранжевый бархан уплыл в сторону, сердце мое екнуло и сбилось с такта. Загребая сапогами желтый песок, навстречу бредет, сильно хромя, мужчина в странно знакомом костюме. В правой руке длинный меч, непривычно узкий, почти шпага, левой держится за ляжку заплечного мешка. Белая рубашка из дорогого полотна запятнана засохшей кровью, а нога, на которую припадает, перехвачена жгутом из веревок.

Сердце стучало все громче и взволнованнее. Красивый, с холемым нежным лицом, богатая мимика: вижу, как кривится, когда наступает на больную ногу – явно не из местных. Более того, попал в Забарьерье недавно...

Из песка за его спиной вылезли два ящера, отряхивались, как куры после дождя. Я снял лук и на всякий случай наложил стрелу. Человек бредет, раскачиваясь из стороны в сторону, ничего не видит, кроме песка перед собой.

– Берегитесь! – крикнул я.

Он начал оглядываться, но ящеры уже заметили добычу и бросились вдогонку. Я рывком натянул тетиву, щелчок, за первой стрелой сорвалась вторая. Ящеры были почти на незнакомце, когда длинные стрелы пробили обоим головы. Второй ящер успел сбить человека с ног, но тот, падая, ухитрился извернуться и насадить ящера на острие меча.

Они барахтались, разбрасывая песок, когда я, убрав лук, поспешил к месту схватки. Человек столкнулся с себя дергающееся тело, перевернулся на спину. Меч в руке в оборонительной позиции, лицо запорошено песком, но встретил меня угрюмым взглядом несломленного человека.

– Во имя Самаэля! Кто вы?

– Местный, – ответил я благожелательно. – И хочу вам помочь.

Он буркнул:

– Вы появились вовремя, сэр...

– Сэр Ричард, – назвал я. – Пустяки, это безобидные зверушки, если убить их первым.

Он криво улыбнулся, протянул мне руку. Я помог ему встать, ладонь крепкая, сухая и горячая. Я улыбался как можно дружелюбнее, он медленно расслабил мышцы.

– Маркиз де Куртен. Да, если успеть...

Голос его был хриплым, я уловил в нем сдерживаемую боль.

– Вы ранены, – сказал я, – позвольте, я помогу вам?

Он смотрел с недоверием.

– Вы знакомы с врачеванием?

– Да, – подтвердил я. – Вон там каверна, давайте укроемся от зноя.

Он буркнул:

– Тут не только от зноя надо укрываться.

– Рад, что вы это заметили.

– Рады, что меня змея укусила?

– Нет, – сказал я поспешно, – что вы человек осторожный. Не люблю слишком безрассудных. Да они здесь и не живут долго.

Он угрюмо наблюдал, как я в расщелину вошел первым, подставляя для удара спину, затем я услышал сзади шаги. Он забрел тяжело и сразу со вздохом облегчения сполз по стене на землю.

– Слава Самаэлю, хоть переведу дух...

Второй раз ухо царапнуло это странное обращение, но я смолчал, а он, морщась от боли, стянул через голову рубашку. На груди застучали на тонких цепочках два камешка-амулета, а еще один, самый мелкий, почему-то на широкой шелковой ленточке. Я приготовился увидеть страшные раны, от которых человек может умереть прямо на месте, однако на груди белеют едва заметные шрамики. Впечатление такое, что получил эти удары топором год назад.

– Неплохо, – сказал я ошарашенно. – А что с ногой?

Он принялся развязывать узел над коленом, морщился, лицо побледнело.

– С нею похуже, – прохрипел он. – Заклятие Гальса истратил... А это не просто рана. В ней яд...

Стиснув зубы, он оголил ногу, я присвистнул. Голень распорота, как будто от подколенья и до щиколотки взрезали ржавой крестьянской косой. Едва он отбросил жгут, кровь тут же потекла освобожденно, часто-часто капая на землю. Но и дальше со жгутом нельзя, нога посинела. Еще чуть-чуть – начнется отмирание тканей.

– А почему не подлечили? – спросил я.

Он сказал хрипло:

– Я же сказал, в ногу потом, когда уже израсходовал закливание... Они догнали меня всемером... Четверых убил, троих искромсал... Не знаю, насколько сильно. Меня прижали к Барьеру, я истекал кровью. За Барьером смерть, но так не хотелось, чтобы эти сволочи ликовали, видя мой труп... Чтоб не глумились...

– И вы прошли Барьер, – сказал я взволнованно. – Очень разумно. Здесь, кстати, совсем не обязательно смерть. Я вот родился здесь, живу. И неплохо.

Он смерил меня настороженным и вместе с тем удивленным взглядом.

– На той стороне считают, что здесь что-то выжженное и ядовитое... но полное сокровищ.

Я наложил руки, сосредоточился. Холод ощутился едва-едва, то ли рана пустяковая, то ли я уже так силен, маркиз удивленно охнул, быстро перевел взгляд на раненую ногу. Рана закрывается на глазах, кровь перестала течь, а пролитая быстро высыхает и осыпается неопрятными коричневыми струпами.

– Великий Самаэль! – вскрикнул он потрясенно. – Вы не отдали мне свое заклятие?.. Хотя нет, передать нельзя...

– Все хорошо, – успокоил я. – Я могу раз в месяц так вот излечивать. А потом снова коплю силы...

– Вы счастливый человек, – сказал он. – Мне говорили, что здесь столько чудес... а теперь я сам их вижу... Еще бы яд убрать... Гадюка впилась мелкая, но пестрая, такие всегда ядовитые. Говорят, с их ядом даже маги не справляются...

Я сочувствующе кривился, сам тревожно думал, что Сатана, похоже, прав насчет его власти на Юге. Просто я не думал, что все настолько серьезно. Или так далеко зашло. Хотя, возможно, это просто возглас, как мы говорим «О Господи!», но, возможно, это не только возглас...

Без рубашки, он лежал в расслабленной позе, отдыхая. Я старался рассматривать его не слишком уж в упор, но рассматривал. Обнаженный до пояса, он казался даже не греческой скульптурой, с чем обычно любят сравнивать хорошо сложенных мужчин, а бодибилдером, рядом с которым потускнеет любая статуя античного силача.

Длинный меч в красивых ножнах с золотыми нашлепками отцепил от пояса и положил рядом, но два ножа остались под рукой. Рукояти длинные, даже моей широкой ладони не покажется тесно. Ножны тоже сделаны с великим тщанием, украшены золотыми нитями, но я больше присматривался к его поясу: похож на мой, однако кольца составлены из крупных чешуек неведомого зверя. Сколько я ни присматривался, удалось только понять, что чешуйки сцеплены не системой хитрых крючков, а простым наложением одна на другую. Сейчас составлены так, что закрывает почти половину предыдущей, а если, к примеру, ему понадобится распустить пояс за праздничным столом, ему нужно всего лишь отодвинуть две-три чешуйки ближе к краям.

Штаны сшиты настолько умело, словно поработал дизайнер, тем более что ткань тоже показалась достаточно необычной. Я сперва заподозрил, что где-то раскопали склад или хотя бы квартиру, сохранившуюся от предыдущей эпохи, но наступил себе на горло и напомнил, что такое слишком маловероятно, зато увидеть выделанную вещь из шкуры дракона, василиска или горгульи – запросто.

Я покрутил головой.

– Маркиз, вы герой... Одним махом семерых побиваю? Круто.

Он поморщился.

– Думаете, вру?.. Нет... Когда понял, что там не жить, всю наличность бросил в амулеты. И все до одного истратил. Последние два – в этой схватке.

Он со вздохом пошарил по груди, пальцы наткнулись на блестящие камешки на цепочках. Я с беспокойством смотрел, как он сорвал один и бросил в огонь, с такой же злостью рванул второй.

– Маркиз, зачем?

– Одноразовые, – прохрипел он. – Иногда мне кажется, проклятые маги нарочито делают все на один раз... Иначе кто бы в них нуждался?.. Багеры и без них возят по всем королевствам, андагрэйлы дают жратву и металл...

Второй амулет выскользнул из пальцев и упал у его ног. Я подобрал и под взглядом маркиза тоже бросил в огонь. Вспыхнуло, огонь несколько минут горел жарче. Губы маркиза искривила насмешливая улыбка. Хоть так получить пользу от разряженного талисмана.

Шелковая ленточка осталась. То ли маркиз совсем обессилел, то ли забыл про последний талисман. Но, похоже, разряжен и этот, иначе маркиз не ковылял бы на раненой ноге.

Он закрыл глаза, то ли отдыхая, то ли заснул, я быстро укладывал в черепе полученную информацию. Маги по ту сторону Барьера, значит, умеют создавать и создают различные одноразовые амулеты. Еще могут накладывать заклятия полной регенерации, но тоже одноразовые.

Видимо, чтобы снова запастись таким свойством на опасные времена, нужно явиться к магам и заплатить... Зато, если судить по маркизу, даже смертельно раненный, произнеся кодовое слово, исцеляется мгновенно.

У меня регенерация без таких ограничений, но так как о человеке нужно думать хорошо, а думаем все-таки так, как эти сволочи заслуживают, я решил, что маги просто не хотят упускать из рук источник влияния. Или, что для меня более лестно, у меня совсем другой, более высокий принцип действия. Стыдно о таком говорить, это как бы сознаться, что отличник и хожу в наглаженной рубашке, в то время как все стараемся выглядеть лихими, бесшабашными, плюющими на законы и наставления родителей и дебилов-педагогов.

Я сосредоточился, в моих ладонях возникла простая глиняная чашка. Маркиз дернул носом, красные воспаленные веки поднялись. Некоторое время старался понять, что за странный дразнящий запах коснулся его ноздрей.

Я протянул ему чашку.

– Не хотите попробовать?

– Что это? – спросил он с недоверием.

Я сотворил вторую, он напряженно смотрел, как я жадно отхлебнул густой темный напиток. Глаза расширились в великом удивлении.

– Вы что же... маг?

– Нет-нет, – успокоил я, – как можно! Я грессграф, если уж откровенно. Для краткости – граф. Я скромный.

– Но... – прошептал он, – вы сотворили это...

– И что? – удивился я. – Прекрасный напиток!

Он нерешительно отхлебнул, прислушался, улыбка пробежала по бледным губам.

– Даже боль затихла... Граф, но я не понимаю... Если вы не маг, то как это делаете? Где ваш талисман?

Я удивился:

– А почему нет? Если хочется? Ничего позорного в такой полезной магии.

Он смотрел пристально, в покрасневших глазах таилось странное выражение.

– Да, здесь другой мир... Вы вот обиделись, что я вас принял за мага... А ведь миром по ту сторону Барьера правят именно маги! Даже короли перед ними – пыль, прах... Всяк хотел бы стать магом.

Он умолк, закрыл глаза и стиснул челюсти, переживая приступ острой боли.

– Не умирайте, маркиз, – попросил я. – Ну, не умирайте, а?... Я только-только встретил человека, о котором мечтал так долго, и тут вы копыта решили отбросить! Это несправедливо.

Он хмуро улыбнулся.

– Вся жизнь несправедлива. Зато я уже сегодня узнаю, как выглядит ад.

– Не торопитесь, – попросил я, – без вас не начнут.

Он дерзко ухмыльнулся.

– А я и сам хочу туда, а не в рай. В аду смогу наслаждаться обществом королей и герцогов, тогда как рай населен одними нищими, простолюдинами и убогими.

Он поморщился, я видел по его лицу, что боль потихоньку возвращается. Его пальцы массировали ногу, кожа медленно принимает синюшный оттенок. Перехватил мой сочувствующий взгляд, поморщился сильнее.

– Я слышал, иногда яд удастся пересилить... Даже когда лекарства нет, можно самому... Черт, как больно!

– Маркиз, – попросил я, – расскажите о вашем королевстве! Это вас отвлечет малость.

Он отмахнулся.

– Да ничего особенного. Мало того, что на краю света, так еще и владения моего отца дыра дырой!.. Только леса и горы, да несколько деревенок. Крестьяне совсем животные, даже

молодые девки... Я чувствовал, что занимаюсь с ними скотоложством. А тут еще капризы моего родителя, придирки братьев... Задрался я со старшим, очень уж сволочь редкостная, слово за слово, схватились за мечи... Может, он лучше управлялся с хозяйством, но с оружием – дурак дураком. Я не думал, что не отобьет простейший удар в бок. Я хотел только наказать дурака, а он сам напоролся... Ну, пока несли в замок, подрывал ногой и язык высунул. Я не стал ждать, что мне скажут, вскочил на коня и погнал так, что ветер в ушах... Три дня прятался по лесам, потом вышел на дорогу и с того времени вот все иду и иду.

– Благородно, – восхитился я. – Как я вам завидую, маркиз! А я вот прямо из медвежьего угла своих родителей. Вы так много повидали...

Он сказал почти самодовольно:

– Много, не спорю. Хотя на самом деле мир не так разнообразен, как я ожидал. К тому же два королевства пришлось обойти, закрыты сволочными магами... Правда, еще три я видел только с воздуха, багер прошел над ними, не останавливаясь, жаль... К тому же все на такой высоте, что видел только крыши домов и дворцов, а людей не рассмотрел... Зато королевство Эйхсфельда, республику Каринтии и Конклав Железных Герцогов я прошел где пешком, где на коне, а сюда добрался вообще по реке... Дурак, мне слишком везло, почему и решил бежать от погони через Барьер...

– Снова дуэль? – спросил я с сильно бьющимся сердцем.

Он скривился.

– Какая дуэль... Это с благородными еще так-сяк, а когда видишь подлый народ, то просто берешь то, что тебе надо. Если кто недоволен – того в рыло!.. Кто ж знал, что у одного из хамов окажется зачарованный кафтан! Сволочь еще и других прикрыл...

– И как вы избежали? – спросил я, уже догадываясь.

Он поморщился.

– Как?.. Шутите? Они из арбалетов в спину, а когда увидели, что мой конь тоже истекает кровью, то вообще... Конь пал в десяти шагах от Барьера. Меня эти сволочи убили бы на месте, разве что сперва содрали шкуру с живого или по частям обрубывали руки и ноги... Мне ничего не оставалось, как подняться – и к Барьеру! Как завывали, когда поняли, что добыча ускользает! Пытались перехватить, но я успел... И хоть теперь сдохну, но буду ликовать, что эти сволочи меня не достали... Надеюсь, тоже сдохнут. Я ж говорю, из семерых четверых уложил, а троих хорошо так...

Я сказал задумчиво:

– И все-таки вас прижали именно к Барьеру...

Он огрызнулся:

– Случайность!

– Да, конечно, – согласился я поспешно. – И вы, конечно же, предпочли уйти через Барьер, только бы не дать врагам попинать ваш труп... Вы боец, маркиз!

Он пробурчал:

– Да, я не даю врагу радоваться.

Ночь опустилась в долину, я создал шарик света и послал к своду пещерки. Маркиз вздрогнул, во взгляде снова появилось опасение, хотя чего страшиться тяжелораненому. Я сделал еще кофе, извинился, что из еды ничего, но могу выйти и подстрелить что-нить.

– Нет-нет, – запротестовал он, – ради меня не утруждайтесь. А как вы?

– Да я местный, – ответил я. – Мне проще...

Он не стал выяснять, почему местному голодать проще, стискивал зубы, на лбу выступила испарина.

– Подлецы, – процедил он. – Лучше бы эта гадюка их покусала... Какая несправедливость! Вместо гибели по эту сторону Барьера найти помощь... и все-таки не уберечься!

– Вы сказали, – проговорил я осторожно, – что по ту сторону Барьера правят маги... Но как это можно?

Он скривился.

– У кого сила – тот и правит. Маги – это те, кто раньше других нахапал вещей Древних и научился ими пользоваться. А еще ввели во всех королевствах смертную казнь за утаивание вещей Древних. Все, что найдено, надлежит сдавать магам. Маги в свою очередь сдают старшему магу, а он либо сам пытается решить загадку старой вещи, либо поручает младшим магам, работающим на него.

Я спросил тихо:

– И что... сдают?

Он кивнул.

– Обычно да. Иногда некоторые смельчаки пытаются тайком научиться пользоваться, чтобы тоже стать магами. Не получается, а маги находят и казнят самыми жуткими способами, чтобы другим неповадно.

Я хмуро подумал, как бы порадовались наши маги, узнав, что на Юге их собратья правят всем континентом, как своим двором! Маркиз де Куртен, иногда умолкая, чтобы переждать боль, рассказывал, что никто не знает, как живут маги. Одни уверены, что все маги – нелюдимы, живут в башнях и никогда не покидают их. Другие уверены, что маги не только воюют один с другим, но объединяются в союзы. Это возможно, двое слабых магов в состоянии, соединив усилия, свергнуть сильного. Правда, на пути объединения стоит извечная подозрительность магов: как это довериться чужаку, который сразу может все забрать, а тебя убить?

Пока он говорил, боль как будто отпускала или хотя бы не так вгрызалась в его тело. А еще мне почудилось, что он слишком горячится, когда говорит о магах, словно в этом есть что-то глубоко личное.

Глава 2

От кофе ему становилось легче, скоро в пещерке все пропиталось крепким душистым ароматом. Я время от времени вкладывал в его ладонь чашку, и маркиз жадно глотал коричневый напиток, уже не спрашивая, как мне удастся творить такое без всяких амулетов.

Я тихохонько расспрашивал о Юге, чувствуя себя свиньей, человеку же паршиво, маркиз отвечал все тише, с усилием, умолкал уже надолго.

Когда ночь пошла на вторую половину, он вдруг заговорил быстро и лихорадочно:

– Сэр Ричард, мои силы на исходе. Я не дотяну до рассвета.

– Крепитесь, маркиз, – только и сказал я беспомощно.

Он прошептал хрипло:

– Нет, я больше не могу держаться... У меня просьба к вам, сэр Ричард.

– Слушаю, – ответил я настороженно, очень уж не люблю эти просьбы умирающих, есть опыт, – если в моих силах...

– Надеюсь, – ответил он. – Вот возьмите мой перстень... Черт, не снимается!.. Помогите... Видите, какой красавец! Семейный. Если случится побывать в королевстве Танкмарии, там есть маркизат Остфалия. Я, увы, младший сын. Знаете, что это значит... но там ждали моего возвращения... Передайте это кольцо леди Герберге. А если она уже замужем, то... моему отцу. Или братьям.

Я проговорил с неловкостью:

– Крепитесь, маркиз...

– Понимаю, – прошептал он, – вы уверены, что отсюда не выбраться... но у вас есть шанс. Сердце мое учащенно забилося.

– Какой?

– Я должен был проверить один способ, – проговорил он, словно в бреду. – У меня остался один талисман... Особый. Над ним работали очень долго. Он позволит вам подняться в воздух... Нам стало известно, что утром Барьер сверху на некоторое время исчезает...

– Что толку, – возразил я, хотя сердце стучало учащенно, уже поверило, дурное, – стены отвесные... Да и не залезть по ним. Пробовал!

На его лице проступило слабое подобие улыбки.

– Прекрасно... Значит, вы пытались... Эта попытка будет успешнее... Надеюсь. Мы над этим много работали... Вот возьмите...

Его рука пошарила по груди, я торопливо подsunул под ищущие пальцы последний талисман. Рука его застыла, едва прикоснувшись к этому невзрачному камешку.

– Все, – услышал я вздох, – снимите сами...

– Как эта штука работает? – спросил я, глядя в его застывшее лицо.

– Сжать в кулаке... – донесся слабый шепот. – Не забудьте... надеть ленточку... на руку...

Последние слова я скорее додумал, чем услышал, даже усомнился, что правильно понял, талисманы все-таки носят на шеях, на груди, как вот у него, но маркиз откинул голову, глаза застыли. Я выждал некоторое время, пощупал пульс, провел ладонью по лицу, надвигая верхние веки на глазные яблоки.

В пещеру заглянул первый лучик слабого рассвета, а я сидел неподвижно возле остывающего тела. Может показаться слишком большой случайностью, что вот мне так сразу попался способ выбраться из этой тюрьмы. На самом же деле благоприятные случаи всем попадают ежедневно и ежечасно, но одни в упор не видим, другие не хотим видеть, третьи чего-то требуют взамен, а нам хочется халявной золоторыбковости или аладдинджинности.

Это как раз из тех, неуместных. Уже предвкушаю свежесть морозного воздуха, слышу хруст снега под подошвами, там все легко и понятно, вассалы верны, женщины – преданны,

а тут на тебе – соблазн!.. Или – возможность?.. Или все-таки соблазн, на который нужно махнуть передней конечностью и твердо идти к намеченной цели? Мне ее не какой-нибудь дурак наметил, а я сам, умнее которого быть не может по определению!

Талисман оказался сгустком смолы на веревочке, твердым, как уголь, с таким же антрацитовым сколом. Я взвесил на ладони, все еще не зная, настолько ли я дурак, что воспользуюсь, или же хватит ума вот прямо щас вернуться в Армландию, где ждут великие, конечно же, дела. И хотя там пока что зима и мир спит под снегом, но дела, бесспорно, все равно великие. Все, что я ни делаю, великое... А что не делаю, так, ерунда, не стоит обращать внимания.

Я вышел из расщелины, оглянулся в запоздалом сомнении: не похоронить ли маркиза похристиански, но, если честно, ему уже все равно, все эти обряды нужны не мертвым, а живым. И тоже понятно, для чего. Я же крепко стою на ногах, мне костыли не требуются.

– Спасибо, маркиз, – сказал я тихо. – Будет возможность, обязательно передам твоему отцу это кольцо. Ты бы одобрил такой жест больше, чем торжественное погребение с литургией, песнопениями и шаманскими плясками.

Пальцы мои медленно сжимались в кулак, все сильнее стискивая амулет. Я все еще колебался, все еще знал, даже твердо знал, что мне надо в Армландию, я и так исчерпал лимит удачи, но пальцы сдавили волшебную смолу, она стала разогреваться, увеличилась в объеме.

Я разжал кулак, смола разбухает, уже с кочан капусты, с арбуз, с автомобильное колесо... Тяжелее не стало, что хорошо, сердце трепещет от недоброго предчувствия, уже угадало принцип действия. Шар закачался на ладони, совсем невесомый, медленно-медленно приподнялся, не касаясь руки, начал потихоньку подниматься, продолжая увеличиваться в размере.

Веревочка на моей кисти тоже увеличивалась, превращалась в широкую ленту.

– Ага, – сказал я дрожащим голосом, – понял, понял, не дурак...

Пока вверх не потянуло достаточно сильно, я обмотал лентой руку несколько раз, так надежнее. Еще не верил до конца, и что это сработает, и что влез в такую авантюру, я же не талиб, я ценю человеческую жизнь, а человеческая – в первую очередь это моя.

Шар раздувало, лента все сильнее тянула вверх. Я запоздало подумал, что неплохо бы попробовать растянуть и обвязаться вокруг пояса, а то висеть на одной руке стремно... Правда, привязанным, а не уцепившись слабеющими пальцами, как герои боевиков, что могут висеть, ухватившись одной рукой за салазки летящего вертолета, да еще и полчаса драться с висющим рядом противником.

Над головой качается громадный мешок, тянет сильно, я присел, заставляя его снизиться, а когда он нехотя подчинился, я выждал, сколько смог, и, распрямившись, прыгнул вверх. Шар освобожденно рванулся в небо. Через мгновение за руку дернуло. Мне показалось, что останавливаемся, однако движение возобновилось, сперва черепашье, потом все увереннее и увереннее.

Я со страхом поглядывал на небо. Маркиз ошибся с днем, никакой голубизны, а все та же зловеющая багровая краснота, что сжигает даже скалы, по которым скользит. Я забарахтался, мелькнула мысль обрезать веревку, но посмотрел вниз, в глазах потемнело.

Если брякнуться с такой высоты, никакая регенерация не соберет мои разлетевшиеся ошметки. Но лучше ли сгореть в этом аду, где камни превращаются в воск и сползают красивыми такими наплывами...

Я брыкался, вертелся, как жук на ниточке, не соображал, что делать, но никто не видит, себе не стыдно показать, что вообще-то я общечеловек и трушу, как самая пугливая свинья при виде бойни. Меня несло в эту пугающую красоту, я сжался и вдруг сообразил, что жуткое стадо багровых туч не мчится, как экспресс... это вообще не облака, а красное зарево восхода!

Небо из ярко-багрового с быстро бегущими бесконечно тучами, что и не тучи вовсе, давно превратилось в безмятежно-синее. Сердце всхлипывает от облегчения, я жадно хватал раскрытой пастью воздух, как Робин Гуд, с горла которого сняли петлю. Барьер медленно опускался.

кается, я уже видел верхний край, и едва тот опустился на уровень моих глаз, открылась широкая панорама ужасающе прекрасного мира.

Дрожь пробежала по моему телу. Зеленая равнина, группы деревьев, два небольших озера, видны крохотные домишки, села вроде бы зажиточные, есть даже кирпичные дома... А почти на горизонте возвышается прекрасный дворец, даже комплекс дворцов, слитый в одно целое, устремленный ввысь, украшенный множеством ажурных башенок, с висячими мостиками, трепещущими на ветру флажками на остриях башен.

Сердце мое захлебывалось от радости. Это не суровый замок, это вообще из мира, когда в замках отпала необходимость, и люди начали строить здания не для того, чтобы в них отсиживаться от натиска врагов, а чтобы жить мирно и счастливо.

Стена Барьера осталась далеко внизу, я трепетал, что маркиз и его люди не все предусмотрели, ветра нет, однако стена внизу постепенно смещается, воздушные потоки медленно сдвигают меня со всем слоем воздуха в сторону. Хуже другое, шар все еще продолжает подниматься...

Я всматривался в землю до рези в глазах, стараясь побыстрее понять, что тут и как. Нет, земля не удаляется, но и не приближается вроде бы. Меня несет на большой высоте, рука уже начала неметь...

Ура, прости, маркиз. Умельцы маги сумели сработать амулет, который превратился в шар Монгольфье, а затем, когда воздух остыл, начал снижаться. За это время ветер как раз вынес меня за пределы Барьерного Кольца. Все просто, как все гениальное, и эта простота сработала тоже гениально.

Не вижу церкви, мелькнула мысль. Ни одной церкви, даже церквушки... Вон деревня, а вон еще богаче и зажиточнее. Обычно самое красивое и самое высокое здание в любом селе и любом городе – церковь...

Снизу донесся крик:

– Вот он!.. Я ж говорил!

Я дернулся, закрутился на веревке. Внизу на бешено вертящейся земле лежат трое мужчин. Двое приподнялись на локтях, третий рывком оказался на ногах и подхватил с земли арбалет. Я торопливо выдернул из пояса патрон, но меня крутит и поворачивает, затем услышал над головой треск разрываемой ткани и свист покидаемого шар воздуха.

Снизу донесся довольный вопль. Сердце мое замерло, земля начала приближаться слишком быстро. Я напрягся, выставил ноги чуть согнутыми, чтобы не сломать, но земля ударила с такой силой, что я рухнул, как жаба на асфальт. Острая боль пронзила тело, хрустнули ребра. Я захрипел, ощутил соленое во рту, земля и небо несколько раз поменялись местами.

Я лежал на спине почти бездыханным, в поле зрения появилась фигура толстого мужика с бульдожьей челюстью. В одной руке арбалет, в другой меч, такой же узкий и длинный, как у маркиза де Куртена. Я как замороженный смотрел на этот клинок, а он словно удлинился и потянулся к моему горлу.

– Ну вот и все, маркиз Куртен, – проговорил бульдожистый с удовлетворением. – Больше вам от нас не бегать...

– Погоди, – прохрипел я.

– Просить бесполезно, – ответил он жестко. – Ты убил моих людей. И сам умрешь...

– Хрен тебе, – ответил я.

Патрон в моей ладони слабо шелкнул, стальной болт ушел вверх, я успел увидеть, как в животе бульдожемордого появилась рваная дыра, а из плеча ударил фонтан темно-красной крови. Я поспешно отодвинулся, видя, как разжимаются пальцы, поднялся на ноги.

Второй поспешно ухватил меч. Он едва поднялся на колени, весь перевязанный окровавленными тряпками, будто защитник Аламо, но пальцы мои сжались на патроне. В груди

раненого образовалась рваная дыра, я даже успел увидеть, что сквозная, до того, как оттуда плеснула кровь.

Сзади услышал потрясенный вопль. Я крутнулся на месте, успел заметить падающую мне на голову палицу третьего, последнего из выживших после схватки с маркизом. Пальцы мои инстинктивно сжали патрон, и тут череп взорвался и разлетелся на куски. Я полетел в черную бездну.

Сон был тяжелый, я тонул в черной вязкой смоле, воздуха в легких едва-едва, а я почти на дне океана, смертная тоска заполнила душу, я задыхался, рвался вверх изо всех сил, и в смертном страхе понимал обреченно, что не успеваю...

И вынырнул, сразу ощутив, что кошмарный сон кончился, а я лежу... не на жарком песке, а в роскошной постели. Голова на пуховых подушках, укрыт тонким одеялом, кровать с толстыми стойками из красного резного дерева. Балдахина нет, хотя натянуть можно на эти четыре столба, продолжение ножек. Потолок высок, весь в дивных цветных мозаиках сказочной красоты, огромная сверкающая хрусталем люстра, размером с большевиктеатровскую, празднично освещает богатство и величие.

Свет некоторое время резал глаза, я решил, что спростоня, осторожно повернулся на бок, не отзовется ли болью, и охнул. Ощущение такое, что перенесся в Версаль или Эрмитаж. Королевская роскошь, на стенах огромные картины, пол паркетный из ценных пород дерева. Вот-вот в зал войдет восторженная группа экскурсантов, а престарелая смотрительница музея завопит, обнаружив в королевской постели такое непотребие...

Я подвигал руками-ногами, все работает, и торопливо поднялся. На мне белая рубашка тонкого полотна, кальсоны той же материи и такого же цвета, ноги босые. Больше всего беспокоит, что обезоружен, и что непонятно где...

В глаза сверкнула искорка, я повернул голову и всхрюкнул от счастья. Молот рукоятью вверх замер в углу, меч и лук Арианта рядом у стены, красиво прислонены к нижнему краю огромной картины в массивной раме темного дерева.

Мелькнула мысль ринуться и дрожащими лапами поскорее застегнуть пояс с моим самым новым оружием... кстати, где он?.. но если принесли в эту комнату, то не враги...

Пояс на столе, огромном, как бильярдный, инкрустированном дорогими породами, ножки резные, там морды зверья, птиц, ящериц и, кажется, насекомых, хотя насчет насекомых не уверен. Может быть, здесь люди такие.

Главное, оба патрона надежно темнеют по обе стороны пряжки. Наверное, я в падении приблизил руку к поясу, а дальше патрон занимает свое место, как намагниченный.

– Как же тебя назвать, – прошептал я, – пневматический молоток двадцать второго века в руках такого дикаря, как я... Болторез?.. Болтер?.. Ладно, болтер. Коротко и убедительно, как удар в зубы.

Окна огромные, никаких решеток, стекла настоящие, а не пластины кварца или бычьи пузыри. Затаив дыхание, я на цыпочках подкрался к ближайшему, осторожно выглянул.

Судя по всему, я на третьем-четвертом этаже. Двор огромен, это даже не двор, а не знаю, как и назвать: длинный, вымощенный мрамором плац, по обе стороны по небольшому озеру, берега убраны камнем, оба слишком похожи одно на другое.... Скорее пруды, а не озера. Вдалеке строительные рабочие приколачивают доски к сараю, я просмотрел их быстро и тщательно, ничего необычного, перевел взгляд на дальние ворота, в башенке поблескивает металл...

Голова закружилась на миг, изображение резко прыгает в стороны, но я сфокусировал и уцепился за молодцеватого стража с красным лицом и лихо закрученными усами. Шлем не рыцарский, проще, как и стальной панцирь, но чувствуется хорошая выделка. Под панцирем мелкая чешуйчатая кольчуга, в руках алебарда. Давно их не видел, кстати.

Еще один стражник появился в проеме открытых ворот. Прежде чем скрылся, я успел рассмотреть панцирь, кирасу, наручни и поножи, а по украшениям вообще решил, что здесь эпоха уже послерыцарская, если даже и была здесь когда-то рыцарская.

На двор упала густая тень, словно низкая туча закрыла солнце. Я невольно вскинул голову, отпрянул, сердце остановилось. По синему небу неспешно плывет, словно по глади озера, огромная громоздкая платформа из металла, размером с гигантский составной плот, когда весной сплавляют по рекам лес. Размеры ее ужасают, что-то с полгектара, не меньше. Низ изъеден ржавчиной, часть конструкций изломана и покорежена, но этот воздушный паром движется быстрее, чем если бы его несло ветром, да и ветер, насколько понимаю, почти встречный...

Платформа движется с грацией носорога, могучего и уверенного в своей несокрушимости. Пространство вокруг чудовищной массы, казалось, сминается и завихряется почти видимыми кольцами. Я задержал дыхание, инстинктивно ожидая, что эта гора металла упадет и раздавит, ну не может это вот держаться в воздухе, это как если бы самолет выключил двигатели и остановился в воздухе...

Но исполинская платформа плыла и плыла. Я успел ощутить ее грубую мощь, ничего изысканного, как нет балетной грации в асфальтовом катке или бульдозере. Так и это вот, передвигающееся по воздуху, чем-то напомнило именно асфальтовый каток, экскаватор или прицеп для перевозки танков.

Люди внизу никакого удивления не выказали, хотя кто-то поднял голову и тут же опустил, а молодой парень приложил ладонь козырьком к глазам и смотрел долго, пока платформа не скрылась из глаз, после чего ушел к рабочим у сарая. Я вроде бы успел услышать негромкий шум двигателей, значит, не магия, и то хорошо. Хотя почему хорошо, магию еще мог бы понять, ее и дурак иногда может понять, из-за чего так популярна, а вот технике нужно учиться и учиться. А я и с мануалом часто не могу разобраться, терпения нет.

Я перевел дыхание, поймав себя, что чуть было не перекрестился по уже обретенной на Севере привычке. Вот он каков, Юг. Передвигающиеся платформы, на которых можно перевозить целые города, никого не удивляют!

За дверью раздались шаги, я метнулся к постели и прыгнул, успев принять прежнюю позу за миг до того, как с мягким музыкальным звуком дверь отворилась. Огни люстры вспыхнули еще ярче, после рассчитанной паузы вошел в огромном напудренном парике со свисающими пушистыми ушами легкий и сухощавый, как кузнечик, мужчина в белом костюме с манжетами, жабо и всяческими огромными бантами, остановился, едва переступив порог, глядя на меня с дружелюбным любопытством.

Я успел увидеть худое немолодое лицо с запавшими щеками, острые скулы, под глазами мешки в три яруса, доброжелательную улыбку, а незнакомец, похожий на пуделя, на миг изогнулся в изысканно-почтительном поклоне, подпрыгнул, сорвал с головы шляпу и красиво замахал ею, смахивая перьями несуществующую пыль с золотых пряжек на туфлях.

Я смотрел обалдело, он не просто раскланялся или расшаркался, а прыгал и пританцовывал, как празднично наряженный королевский пудель, обученный сложному трюку одновременно скакать на задних лапах и размахивать передними.

– Гм, – сказал я, – сожалею, но в моих диких краях... это... гм...

Он выпрямился и, раскинув руки, смотрел на меня с тем же доброжелательным любопытством.

– Маркиз, – произнес он приятным интеллигентным голосом, – у нас это тоже только-только начинает входить в моду. Так что не стесняйтесь. Я лекарь Фландр, личный врач герцога Людвига.

Я поклонился, стараясь, чтобы не слишком перепоклониться, все-таки он простой лекарь, а я маркиз, судя по кольцу с фамильной монограммой рода де Куртена. С другой стороны, он вдвое старше, к тому же – интеллигент.

– Маркиз... Ричард, – ответил я. – Ричард Длинные Руки.

– Я вижу, маркиз, – произнес он приятным голосом, – вы уже пришли в себя! Это заслуга вашего организма, а не моего умения... как бы мне ни хотелось похвастаться.

От него лучились расположение и доброта, и хотя знаю, что это обычно маска опытных придворных, ощутил к нему тепло и доверие.

– Дорогой сэр... – ответил я учтиво, – догадываюсь, что обязан вам жизнью.

Он возразил живо:

– Нет-нет, ваше заклятие неуязвимости сработало превосходно, маркиз. Просто вас ударили по голове слишком сильно. Ваше сознание спряталось в небытие, перевело дух, и теперь вы в прекрасной, как вижу, форме... Можете подняться, сэр. Только старайтесь пока не делать резких движений.

Я медленно поднялся и сел, делая вид, что голова еще кружится, затем спустил ноги на пол. Фландр предостерегающе вставил ладони:

– Не спешите, не спешите... Осмотритесь, придите в себя.

Я развел руками.

– К сожалению, форма у меня не совсем прекрасная. Вы очень точно сказали, что сознание на время спряталось... но сейчас возвращается так это... порциями. Как будто слишком усердный повар нарезает для дам пирог чересчур мелкими дольками.

Он засмеялся.

– Все вернется, маркиз Ричард!.. Уж поверьте моему опыту. А сейчас я оставлю вас. Спешу доложить герцогу Людвигу, что вы очнулись. Не удивляйтесь, если он захочет вас тут же навестить. Наш хозяин очень гостеприимный человек, очень радушный.

Я развел руками.

– Боюсь, что эта одежда не совсем...

Он хохотнул.

– Разумеется, маркиз! Я сейчас же распоряжусь, чтобы вам доставили все необходимое.

Он откланялся и ушел, посмеиваясь. Я тут же завертел головой, осматриваясь. Если меня принимают за маркиза, что хоть и рискованно, но снимает ряд щекотливых вопросов, то я должен уметь ориентироваться в этом мире.

Зеркал множество, даже на двух столиках еще по одному, с подставочками, чтобы крутить так и эдак, высматривая, какой прыщ выдавить. Все в настолько сложных завитушках, что просто обидно, куда пропадает труд, это же надо с лупой исследовать все миниатюрные сценки, а когда рожу рассматривать?

Изящный подсвечник из серебра, настоящее произведение искусства, стилизованное дерево, обвитое четырьмя драконами, что, изящно изогнувшись, держат в пастях свечи. Оранжевое пламя ровное, чистое, без малейших признаков копоти. Поддавшись импульсу, я провел ладонью над свечами, жара не ощутил, осторожно коснулся огонька кончиком пальца.

Магия, мелькнуло в голове ошарашенное. Никакого жара, только свет, идеальная имитация. За дверью еще раз протопали шаги, но мимо, я торопливо вертелся на месте, всматриваясь в картины, в отделку стен, задрал голову и взгляделся в люстру. Что сразу бросается в глаза: нет крепкой веревки или даже цепи, накрученной толстой бухтой на металлический штырь, торчащий из стены на высоте поднятых ладоней высокого человека. Эта веревка иногда идет прямым к основанию люстры, иногда через петли сперва по стене поднимается к потолку, а затем уже по нему к люстре...

Словом, отсутствует необходимый элемент: как же здесь опускают люстру, чтобы зажечь все эти свечи? Но люстра выглядит так, словно прикреплена там навечно. Да и свечи горят как-то странно. При открытом окне ни у одной даже язычок не колыхнется.

Глава 3

Вошли трое слуг, в руках кипы одежды, за ними маленький чопорный человечек в белом, тоже с жабо, весь в фижмах и в роскошнейшем парике. Мне он показался еще больше, чем милейший лекарь, похожим на постриженного и украшенного цветными бантами пуделя.

– Мое почтение, маркиз, – сказал он и, сорвав с головы огромную шляпу с перьями, цветами и лисьим хвостом, исполнил изумительный по сложности танец, приплясывая, подпрыгивая и смахивая шляпой пыль с туфель.

Я чувствовал себя неловко, стою, как дурак, и пялюсь на такое сложное представление, человек вон аж губу закусил, чтобы ничего не пропустить и нигде не сбиться.

– Здорово, – сказал я и, удержавшись, чтобы похлопать и бросить ему монету, добавил с ноткой восхищения: – Дивное искусство, сэр! Я еще не видел человека, который мог бы... да...

– Спасибо, сэр...

– Ричард, – снова представился я. – Ричард Длинные Руки.

– Спасибо, сэр Ричард. Я в какой-то мере должен владеть сложным искусством лучше, чем большинство.

– Вы уже владеете! – воскликнул я.

Он польщенно улыбнулся.

– Благодарю вас, маркиз. Я личный портной его высочества герцога Людвига, мастер Гандлер.

– Раз вас видеть, мастер Гандлер, – сказал я. – Вы просто великолепны!

Еще раз учтиво поклонившись, он оглядел меня весьма критически, потом подобрел, крикливым фальцетом начал отдавать распоряжения слугам тем тоном, что исключает неповиновение.

Двое слуг быстро одели меня в роскошный камзол, третий умело зашнуровал туфли, но не успел я сказать спасибо, как мастер Гандлер завопил негодуя и замахал руками. С меня торопливо все сняли, мастер Гандлер указал, что именно примерить на этот раз, нет, и это не годится, такому рослому и молодому больше идут спокойные цвета, быстро несите штаны мягких тонов...

Я терпел, принужденно улыбался, наконец портной герцога оглядел меня с головы до ног и сообщил с некоторым удовлетворением:

– Вот теперь можно на обед даже к королю!

Я поклонился.

– В восторге от вашего утонченного и, я бы сказал, изысканно артистического вкуса! Я сразу увидел, даже ощутил всеми фибрами великого мастера, едва вы переступили порог.

Он посмотрел на меня польщенно, но и с недоверием.

– Да? Вы это заметили? Как?

– Еще бы, – сказал я с жаром. – Вы не следуете моде, а идете впереди, создавая и оформляя неясные желания и мычания большинства в предельно четкие и законченные формы! Вы первым решаетесь опробовать свой уникальный дизайн...

Он покраснел от удовольствия, расцвел, глаза стали масляные, поклонился и, совсем застеснявшись, сказал уже совсем другим голосом:

– Спасибо! Так редко удается отыскать истинного ценителя... К сожалению, оставляю вас, сэр! Побеседуем, когда выпадет случай. До обеда совсем немного.

– Что на обед? – поинтересовался я.

Он улыбнулся, давая понять, что понял шутку, поклонился и вышел. Слуги, как мыши, исчезли следом. Я все же подошел к зеркалу и всмотрелся в себя, я ж маркиз, а раз так, надо маркизить правильно, а то кто знает, как у них поступают с самозванцами.

Вообще-то хорош, хорош. Главное, что ценится в маркизах любого ранга – крупный. Думаю, непросто было подобрать костюмы такого размера. Для простого человека что самое важное в феодале? Понятно, рост. В президентской гонке в Юсовии всегда побеждали более рослые особи. Простой человек смотрит на своего буша и сравнивает его с другими маркизами. Ага, наш выше! Значит, лучше...

Я повертелся перед своим отражением, как модница, привыкая к незнакомому крою, подвигал руками, вспоминая, как при Петре Первом мушкетеры взмахивали шляпами. Ладно, надо сразу объяснить, что я из медвежьего края, не всему обучен. Нас батюшка учил сразу в рыло давать, это тоже надо сообщить сразу во избежание...

Снаружи донесся рев труб и грохот барабанов, я тут же метнулся к окну. По площади перед дворцом в ногу шагают по двое знаменосцы, пять пар, за ними в красно-синих костюмах с широкими белыми воротниками офицеры в красивых шляпах с длинными перьями.

Навстречу двигаются такие же, только цвет знамен другой. Все под тот же победный рев труб сошлись, потопали на месте, глядя друг на друга, разом повернулись к дворцу. Я поспешно отодвинулся, пусть не видят, что за их сложным ритуалом наблюдает еще и чужак, вдруг это некое священное действо.

Из-за дворца выехали на легких рысях конники, роскошно одетые, горделивые, каждый откинут корпусом назад, в руках по знамени. Впереди вообще рослый красавец, весь в красном, конь тоже накрыт пурпурной попоной, он единственный, кто без знамени.

Пешие дружно кричали нечто радостное, передний всадник милостиво вскинул руку. Ему закричали еще громче, а затем заорали и остальные всадники. Я думал, что выметнутся в распахнутые ворота, но всадники сделали полный круг по площади перед дворцом и остановились.

Я слышал, как из окон справа и слева радостно визжат женщины, на балконах тоже ликующие вопли. Наконец из конюшни выехала повозка... да какая повозка, настоящая карета, богато украшенная, два окошка по сторонам и третье, самое большое, над дверью!

Разодетый, как фельдмаршал, слуга поставил скамеечку. Из ворот дворца вышла женщина в платье до пола, хвост за нею несет мальчишка, одетый не менее богато, чем лакей. Двое офицеров, торопливо спешившись, помогли женщине взойти по ступеньке в карету.

Я видел, как она тут же задернула занавеску, карета тронулась с места, а всадники, выстроившись в две линии, поехали справа и слева. Те, кому места не хватило, держались в авангарде или арьергарде.

Комната моя, похоже, угловая, в другой стене еще два окна, огромных и светлых, доносятся птичий щебет, плывет запах роз. Я не рассчитывал ничего интересного увидеть, кроме сада, а из меня еще тот Мичурин, но подошел к окну и раскрыл рот в удивлении.

Изумительный парк, фонтаны, красиво закрученные аллеи, предназначенные не для перемещения с места работы к дому и обратно, а для неторопливых прогулок вокруг роскошных клумб, облицованных дорогой плиткой бассейнов, еще там скамьи вдоль аллей, фонтаны и еще раз фонтаны: от величественных до совсем крохотных.

Постройки, что по ту сторону всего этого великолепия, тоже не сараи, а если и сараи, то выполненные с шиком, мастерством и избытком свободного времени, когда можно медленно и любовно работать над каждой деталью. В глаза бросается добротность зданий, даже если в них угадывается чисто прикладное назначение, типа прачечных или пекарен, а затейливые башенки над ними возведены явно не по необходимости, а от нехрена делать.

Сад не менее прекрасен: ухоженные деревья, декоративные кустарники, пышные клумбы, беседки для фривольного уединения, однако по ту сторону сада нечто куда удивительнее: к небу поднимается величественная башня-пирамида с плоской крышей, а снизу ведут наверх ступеньки. Даже отсюда видно, что настоящие: стоптанные, протертые посередине, где ступают чаще всего.

За моей спиной двери распахнулись, вошел рослый красавец в расшитом золотом красном мундире и громко провозгласил:

– Герцог Людвиг, владетельный хозяин Бингенгейма, барон Вальдека, ландграф Дармштадта, ландсрат Лифтгондии и лантег маркизата Черро!

Я почтительно ждал. В коридоре послышались неспешные шаги. На пороге появился очень дородный невысокий человек в большом белом парике с крупными локонами, сутулый от старости, крупное характерное лицо в глубоких резких морщинах, но без мелочной сеточки, даже мешки под глазами гладкой поверхностью больше похожи на наплывы воска или льда. Одет с той небрежностью действительно богатого человека, который предпочитает пышно и ярко наряжать слуг, а сам ходит в том, что ему удобно.

Герцог тоже похож на пуделя, только старого, толстого, важного, который уже не стрижет бока, напротив – укрывает зябнувшие старые кости цветными попонками.

Двигаясь медленно, он сделал два шага, я торопливо поклонился со всей куртуазностью.

– Ваша светлость, – произнес я совершенно искренне, – я обязан вам жизнью!.. Моя признательность не имеет границ...

Он усмехнулся, улыбка преобразила его суровое лицо, сделала моложе и доброжелательнее. Глаза сощурились, от уголков разбежались веером лучики.

– Пустяки, – произнес он. – Нам это ничего не стоило!.. Просто подобрали и перевезли во дворец. А здесь ваш молодой организм показал себя как надо... Садитесь, сэр Ричард.

Из коридора вбежал слуга и моментально придвинул герцогу кресло. Тот опустился на мягкое сиденье, даже не проверив, там ли оно уже. Глаза внимательно изучали меня, я сел напротив и дисциплинированно ждал. Раз уж я маркиз, то нечего с маркизым рылом лезть с вопросами к самому герцогу.

– Вы прекрасно показали себя, маркиз, – продолжил он, его серые глаза изучали меня очень внимательно и с настороженностью. – У вас были серьезные противники, мои люди осмотрели их вооружение. Вы справились... и если бы не падение с такой высоты... м-да, вы могли бы захватить весь корабль!.. Увы, в багерах предусмотрены механизмы саморазрушения, чтобы не попали в чужие руки... Вы этого не знали...

Я сокрушенно развел руками, настороженно стараясь понять, что мне приписывают еще. Пожевал губами с виноватым видом и снова развел руками. Мол, вы правы во всем, а я – дурак, нет оправданий.

Герцог доброжелательно посмеивался, глаза лучатся добротой, а я, несмотря на всю настороженность, все больше проникался к нему доверием. Возможно, и не последняя сволочь на свете. Похож на тех, кто уже достаточно награл и наворовал, теперь давно живет респектабельно, дети в престижных вузах Оловянных островов, а сам вжился в роль хлебосольного барина, к тому же меценатствует, филантропствует и даже благотворительствует.

– Ваше воинское искусство выше всех похвал, – произнес он после паузы. – Мои слуги доложили, что все убиты вашим оружием. Неясность была в том, что одни убиты на несколько часов раньше, чем остальные...

Я снова развел руками.

– Что делать, не мог я простить обиды! Решил вернуться, а там... была не была!

Он усмехнулся.

– Чуть-чуть не получилось это... в смысле «не была». Но вы успели в самый последний момент. Эх, молодость, безрассудная молодость! Неужели и я таким был?

Я посмотрел в его лицо, стараясь угадать его мысли и желания, сказал льстиво:

– Ох, сэр, я боюсь и представить, каким вы были! Я же вижу огонь в ваших глазах. И каким бы вы ни прикидывались сейчас благодушным, но я вижу, вижу, как вы куролесили в свое время...

Он довольно засмеялся, погрозил пальцем.

– Только не говорите такое при моих домашних. Все привыкли меня воспринимать старым и толстым. Им трудно представить, что и я когда-то был молодым.

– Молодость прекрасна в любом возрасте, – возразил я. – А вы молоды, сэр!

– Если бы не ошибки молодости, – проговорил он с легкой иронией, – то о чем бы мы вспоминали в старости? И вообще, не будь этих ошибок, нас с вами было бы меньше.

– В каждом возрасте свои прелести, – сказал я, – но в молодости вы попробовали еще и чужие!

Он довольно жмурился, как кот на теплой печке, я чувствовал, как напускная доброжелательность переходит в искреннюю. Все старперы любят, когда намекают на их бурную молодость, этим они отыгрываются за свою третью молодость: когда зубов уже нет, но укусить еще хочется.

– Только с годами понимаешь, насколько правильными были ошибки молодости, – произнес он загадочно. – Эх, маркиз... Мне бы вашу молодость... Чувствуете ли вы себя готовым к обеду за общим столом?.. Или предпочитаете трапезу здесь?

У меня едва не вырвалось, что сюда, конечно, сюда, нужно прийти в себя, однако задал в себе трусливенькое и ответил мужественным голосом:

– Конечно, сэр Людвиг, если вы сочтете меня достойным... я хотел бы удостоиться чести присутствовать за общим столом!

Он заулыбался шире.

– Прекрасно! Обед у нас через полчаса. Вы услышите гонг.

Я поинтересовался:

– Переодеваться не надо?

Он переспросил:

– Простите?

Я пояснил неуклюже:

– Да у нас начали было заводить моду переодеваться к обеду. Не знаю, приживется ли.

Он наклонил голову к плечу, подумал:

– Лучше бы не прижилась.

– Меня это тоже достает, – признался я.

Он улыбнулся.

– Думаю, это нравится только женщинам. Не проговоритесь о такой дури моей дочери. Она слишком уж старается следовать моде. Как по мне, нет ничего лучше старых добрых обычаев!

Я поддакнул:

– Абсолютно верно, сэр Людвиг! Старых, добрых, а главное – проверенных временем.

Он посмотрел на меня уже с искренним дружелюбием, как на сообщника.

– Отдыхайте, сэр Ричард, набирайтесь сил. Ха-ха, перед обедом!

Он отступил, поклонился, собираясь уходить, но умные и все еще внимательные глаза перехватили взгляд, который я бросил на молот. Победная улыбка скользнула по губам.

– Интересуетесь, как ваше оружие оказалось здесь?

– Ну... – промямлил я. – Вообще-то да, если честно.

Он улыбнулся еще шире.

– Все отцепили еще там, где вас обнаружили без сознания. Но тут же поняли, что это именно, не унести без вас. Пришлось снова молот на прежнее место, перевязи с мечом и луком через ваши плечи... не совсем удобно было тащить вас при оружии, но не оставлять же!

– Спасибо, – сказал я.

Он отмахнулся.

– Пустое. А тут, понятно, вас сперва занесли в угол и отцепили молот, сняли перевязь с мечом и тулу с луком. А потом уже в постель, и наши лекари занялись вашими ранами.

– Очень точное решение, – сказал я и прикусил язык, вдруг да у них у всех такие штуки, вот и знают, как с ними обращаться. – Спасибо!

Он ушел, победно улыбаясь, на пороге обернулся.

– Сэр Ричард, можете на обед приходить даже без молота, ха-ха!.. Хотя я понимаю, путешественники вроде вас привыкают к таким вещам.

Я улыбнулся еще шире, поклонился, разводя руками. Мол, как солдат солдата я понимаю наши мужские шутки, недоступные пониманию светских вертопрахов, женщин, детей и попугайчиков.

До обеда я, обследовав комнату, бегал от окна к окну и старался подслушать обрывки разговоров. Кто не хочет умереть от жажды – должен пить из всех стаканов. Даже конюх или стряпуха могут сказать что-то полезное и важное, а в моем положении все полезное и все важное.

Странное ощущение, когда увидел танцующего в изысканных поклонах портного, а затем и герцога, росло и усиливалось по мере того, как рассматривал сад, обширный двор и гуляющую публику. Очень уж все красиво и нарядно, все ухоженные, воспитанные, веселые и говорливые, а дамы так просто без устали щебечущие, обмахивающиеся роскошными веерами.

Дворец, праздничная толпа, яркие цвета, как будто смотрю из окна на живую клумбу цветов, где все оттенки подобраны в изумительной пропорции. Что-то опереточное в этой праздничной жизни, вот-вот пойдут в удалой пляс, высоко вскидывая ноги...

Наконец раздался могучий бас медного гонга, я почти увидел этот огромный таз, в который бьют колотушкой. Ударили один раз, но звук неспешно течет и течет по коридорам, залам и вываливается из окон. Я оглянулся на меч и лук, как-то не слишком с моей одеждой. Зато пояс смотрится очень даже неплохо. Можно сказать, прибавит деловитости и мужественности, а то слишком уж я какой-то мягкий.

Пряжка щелкнула, я оглядел себя в зеркало, ладно, толкнул дверь, открылся обширный коридор, стены облицованы дорогими породами дерева и украшены широкими накладками из золота. Портреты в тяжелых рамах выстроились вдоль стен в чинную, но строгую шеренгу.

На том конце коридора показался человек в цветах этого дома, издали отвесил поклон.

– Простите, господин, задержался...

– Ничего, – ответил я благосклонно, – я только вышел. Веди к яслям.

Он растянул рот в улыбке, нужно смеяться, когда господа шутят, повернулся и осторожно пошел вниз по лестнице, все время оглядываясь, не слишком ли быстро, не слишком ли медленно, удобно ли мне, а я сохранял на лице благожелательно-рассеянную улыбку, а мозг спешно переваривает присланную глазным нервом информацию.

Лестница поистине королевская: широкая, ступени укрыты красным бархатом с золотой окаемкой, перила массивные и блестящие, удерживаются на резных тумбах, покрытых лаком и настолько блестящих, словно их только что протерли влажной тряпкой. Но здесь все блестит так, будто в мире не существует пыли.

Внизу роскошный холл, мы прошли два зала, перед дверью последнего застыли двое богато одетых слуг, одежды чистые, нарядные, а сами слуги вымытые, подстриженные, ухоженные. При нашем приближении разом отворили двери, один из них провозгласил:

– Маркиз Ричард!

Я вошел степенно, лицо приподнято, весь из себя величавая важность. Зал длинный, оформлен в приглушенных тонах, продолговатый стол, за одним концом уже приступил к трапезе герцог, все так же сгорбленный, в той же богатой одежде.

На другом конце стола свободное кресло. Я подошел, почтительно кланяясь, герцог кивнул и взглядом велел занять то место.

Я послушно опустил зад не на самый краешек, я ж не слуга, но и не развалился, как поступил бы перед герцогом грандгерцог или что тут у них есть.

– Я всегда начинаю первым, – буркнул герцог. – Эти лентяи вечно опаздывают... Я говорю о своем внуке Эйсейбио и дочери Элизабет. Один не может на облака насмотреться, другая все наряды меняет... А, вот и Эйсейбио!

В распахнутые двери вошел церемониймейстер и провозгласил громко:

– Сэр Эйсейбио, граф Торино!..

Следом вошел среднего роста мужчина с крупным породистым лицом, как у герцога, несомненное фамильное сходство, выделяются небольшие растопыренные усы и крохотная бородка, даже не бородка, а намек на нее. Подбородок удлинённый, массивный и мужественно раздвоен, и пятнышко шерсти устроилось как раз посередине. Он выглядел бы полководцем на отдыхе, если бы не бледное пресыщенное лицо, пухлые губы капризного ребенка и отсутствующий взгляд.

На миг он вспыхнул любопытством, когда увидел меня.

– А, тот герой, что уничтожил багер вместе с экипажем?

Я поднялся, щелкнул каблуками и коротко поклонился, не сгибая спины.

– Маркиз Ричард, к вашим услугам.

Он вяло улыбнулся, слуга придвинул ему кресло, так что Эйсейбио оказался как раз посередине между герцогом и мной. Он сел и сказал мне так же вяло:

– Вам уже объявили, в этом доме очень чтут традиции?..

Герцог нахмурился, взгляд его был полон укоризны.

– Ты брал бы пример с маркиза Ричарда! Он не стихи слагает, а избрал стезю, достойную мужчины.

– Ну да, – отмахнулся Эйсейбио, – а чего он тогда здесь, а не сидит и не слушает нотации своего замшелого отца?

Герцог замаялся, бросил на меня взгляд с просьбой о помощи. Я быстро прикинул, на какую сторону забора упасть выгоднее, улыбнулся и развел руками.

– В традициях нашего дома рано покидать гнездо и повсюду искать подвиги! А потом уже вернуться к родителю, чтобы получить то ли похвалу, то ли порку. Это уже как решит родитель после отчета.

Герцог довольно крякнул, в глазах зажегся довольный огонь.

– Видишь? Сохранились еще места, где чтят традиции! И где родительская мудрость отвергается не всегда, не всегда!..

Эйсейбио вяло поморщился. Двое празднично одетых слуг на изящно изготовленных носилках, укрытых короткой красной скатертью, внесли нечто невообразимое из птиц, рыб, зелени, гусиных, куриных и перепелиных яиц, паштетов, филе, все уложено в изысканные горки, даже в башенки, все еще несли плавным балетным шагом, чтобы не обрушить великолепие.

Остановились перед герцогом, старший слуга или повар, не знаю, начал снимать с носилок то или иное кушанье и, показав хозяину, перекладывал в его тарелку. Что не поместилось, положил в соседнюю. Все это время слуги с носилками не шевелили даже бровью, словно вырезанные из дерева. Герцог отпустил их небрежным движением руки, а взглядом указал в мою сторону.

Повар посмотрел на меня с вопросом в глазах.

– Желаете перепелку, сэр?

Я изобразил улыбку.

– Я доверяю вашему выбору. Вы сами знаете, что приготовлено в этот раз лучше, а что хуже.

Он запротестовал:

– У нас все готовят очень тщательно!

– Но что-то удастся лучше, – уточнил я. – Вот это и положите. Дело в том, что мой желудок все принимает. Но он понимает разницу, когда приготовлено лучше, когда хуже...

Он поклонился, не меняя выражения лица, посмотрел в задумчивости на разноцветье блюд и начал наполнять мою тарелку. Мне показалось, что делает это с большим удовольствием, чем когда перегружал еду в блюдо самому герцогу.

Мы ели в молчании, да это и понятно, разговоры начинаются ближе к десерту. Когда половина блюд нашими стараниями была очищена, церемониймейстер взмахнул рукой, в зал вошли еще двое слуг с носилками, уже наряжены в красное, а на блюдах громоздятся конструкции из жареных птиц, печеной рыбы, живых устриц и всякого непонятного, но пахнущего очень даже, что не сказать весьма и весьма. Все украшено зеленью, а огромная рыбина, стоя на хвосте в толще паштета из гусиной печени, похожего на вулкан Везувий, держит во рту крупное яйцо с блестящей жемчужиной на кончике.

Снова повторилась процедура опознавания блюд, размышления, чего бы из них покушать, трудного выбора и перекладывания на новые чистые тарелки, такие огромные, что из них можно бы кормить бегемотов.

Герцог одобрительно поглядывал, как его внук с аппетитом очищает уже третью тарелку.

– Ничто не делает обед таким вкусным, – заметил он вполголоса, – как пропущенный завтрак.

Эйсейбию проворчал с набитым ртом:

– А что за мода завтракать так рано? Есть надо вовремя.

– Воспитанный человек никогда не ест, – сказал герцог нравоучительно. – Он только завтракает, обедает и ужинает.

Эйсейбию взглянул на меня, как на сообщника, мы примерно одного возраста.

– В столице вас угощают хорошими обедами, – заметил он заговорщицки, – а у нас – хорошими обеденными манерами.

Я дипломатично промолчал, во время хорошего обеда всякий становится консерватором, а здесь каждое блюдо – произведение кулинарного искусства.

Герцог буркнул:

– После хорошего обеда всякому простишь, даже родному внуку. Маркиз, как вы находите гарбюссе по-гессенски?

– Я его еще не нашел, – ответил я смущенно. – Или ее...

Эйсейбию довольно хохотнул, герцог улыбнулся.

– Значит, – заметил он, – вам было чем заняться. Как вам этот паштет?

– Изумительный, – ответил я вполне искренне. – Тает во рту! Вот так воины становятся неженками...

Эйсейбию сказал весело:

– Какие воины? Кому они нужны? А счастье именно в хорошем обеде, хорошем вине и хорошей женщине. Или дурной, это смотря по тому, сколько счастья можете себе позволить.

Церемониймейстер стоит неподвижно, но я видел, как внимательно следит за движениями наших рук и челюстей. В какой-то лишь ему понятный момент он подал знак, и в зал внесли на носилках огромный торт. В половину человеческого роста, хотя сам по себе торт не широк, так, с ведро, но нас разорвет, если съедем хоть половину. Слуги в голубом замерли неподвижно, а повар с ножом и лопаточкой заискивающе заглядывал в глаза герцога, стараясь угадать, с какого бока и в каком месте хозяин восхочет отведать это чудо.

Торт украшен орешками всех сортов, начиная от простого фундука и грецких и заканчивая совсем диковинными, миндалем, зернышками изюма, а еще чем-то непонятным, но, видимо, съедобным. Шоколад и кремы перемежаются, получилась затейливая башенка из темного шоколада с белыми полосками.

Герцог покосился на меня.

– Между хорошим обедом, – обронил он философски, – и долгой жизнью только та разница, что за обедом сладкое подают в конце.

– Изумительно, – сказал я. – Вот эта штука просто тает во рту, а вкус непередаваемый... Что это?

Герцог нахмурился, а Эйсейбио весело фыркнул:

– Это же вилантэн, маркиз!

– Вилантэн, – повторил я. – Запомню. Из чего он или оно делается?

Герцог нахмурился сильнее, Эйсейбио вскрикнул почти ликуя:

– Маркиз! Где вы жили?.. Никто не знает, как подземные ангелы ада делают вилантэн или даже обыкновенную муку, что поднимают на поверхность!.. Я еще могу понять, как выплавляют железо и подают наверх в стальных слитках, но... про вилантэн и прочие вещи лучше не спрашивать! А то рехнетесь. Нужно просто верить в доброту и покровительство великого Самаэля!

Я не успел ответить какой-нибудь дежурной, но любезной банальностью, чтобы сгладить возникшую неловкость и странное напряжение за столом, торжественная музыка вдруг оборвалась, тут же сменившись веселым наигрышем, даже игривым, по залу рассыпались трели и рулады. Герцог повернул голову.

Глава 4

По лестнице медленно и величаво сходит в наш зал юная богиня, так показалось вначале. Двое крохотных пажей несут шлейф ее платья, оба в шляпах и при коротеньких мечях, что придает им комичный вид, но я их видел только краем глаза, не отрывал взгляда от чудесной девушки.

Не просто дивно хороша, сказочно прекрасна в этом нежно-голубом платье с наброшенным на плечи белым платком, сейчас он сполз до тонкой талии и удерживается на локтях. Волосы убраны в сложный головной убор, вроде огромных козлиных рогов, с которых до середины спины свисает нежная вуаль и красиво трепещет при каждом шаге. Уши закрыты серебристыми щитками, так что волосы от бесстыжих взоров спрятаны надежно. И рога, и щитки усыпаны множеством жемчужин.

Некая сила выдернула меня из кресла, я подбежал и успел подать ей руку, сводя с двух последних ступенек. Эйсейбио иронически захлопал, а герцог сказал с непонятным выражением:

– Я в затруднении... Маркиз Ричард только что выказал себя знатоком старинных традиций, что несомненно указывает на его достойное воспитание... но если бы он знал, какое это избалованное и капризное существо, он сразу удавил бы или хотя бы выбросил в окно это... гм, это!

Я, не слушая, провел это божественное существо к столу. Слуга появился с креслом, я вырвал его из рук и сам придвинул прекрасной леди. Она сдержанно и гордо улыбалась, исполненная достоинства, но мне казалось, что едва удерживается от соблазна показать язык племяннику и даже отцу.

– Моя дочь, – проворчал герцог. – Да, младше этого балбеса, который внук... Ну, поздний брак...

– Да будь он благословенен, – вырвалось у меня. – Какой прекрасный цветок появился из такого союза!

Я нехотя вернулся к своему месту, некоторое время все четверо молча выбирали из предлагаемых блюд, слуги двигались с носилками медленно и печально, словно на похоронах, а музыканты под сводами теперь играли совсем тихо, будто старались услышать, о чем ведем речи.

Леди Элизабет ела мало и вяло, перешучивалась с Эйсейбио, наконец обратила взгляд прекрасных глаз на меня.

– Маркиз, – спросила она капризно, – что же вы молчите? Развлекайте даму!

– Вы слишком прекрасны, – ответил я почти искренне, – чтобы с вами заговорить.

Ее красивые тонкие дуги бровей в удивлении приподнялись.

– Это почему?

– Слишком красивы, – объяснил я, – чтобы быть человеком.

Довольная улыбка проступила на ее припухлых губах, а Эйсейбио сказал мне заговорщицки:

– Маркиз, вы слишком... прямолинейны. В нашем королевстве предпочитают более замысловатые комплименты.

Герцог буркнул:

– Бездельники! Лентяи, которым больше нечем заняться.

– Лентяй, – сказал Эйсейбио, – это человек, которому нравится просто жить!.. Маркиз, а можно поинтересоваться, какие у вас планы?

– Можно, – ответил я.

Он не понял, помолчал, ожидая ответа, а герцог довольно хрюкнул. Эйсейбио наконец понял, что я уже ответил на вопрос, поморщился и спросил:

– Что вы намерены делать дальше?

Я посмотрел на него поверх кубка.

– Поблагодарю герцога за истинно королевское гостеприимство и отправлюсь через земли и королевства. Я хочу дойти до северного океана.

– Зачем?

– Никогда не видел большой воды, – объяснил я. – Говорят, волны размером с дом!.. Я жил в лесу, там только крохотное озеро с жабами. Волны, как вы понимаете, не совсем крупные... Зато жабы...

Леди Элизабет посмотрела на меня, как мне почудилось, с неудовольствием.

Эйсейбио кисло усмехнулся.

– Да, вы точно нравитесь моему деду. Он тоже, бывало, бредил какими-нибудь путешествиями...

– Теперь поумнел? – спросил я.

Эйсейбио бросил короткий взгляд на хмурого деда.

– Значительно.

– А вы, – спросил я, – сразу были умным и ни к чему не стремились?

Он довольно кивнул.

– Вы смотрите в самую суть, маркиз! Я быстро понял, что важно путешествовать не по королевствам, а внутри взаимоотношений, разгадывать загадки женской души, находить нужные слова для обозначения оттенков, которые не в состоянии постичь грубые люди... Сейчас мы по традиции обедаем в очень узком кругу, зато за ужином вы увидите массу тонких и чутких людей...

Герцог хитро посмотрел на меня, что-то уловил, лицо слишком уж серьезное.

– Маркиз, – произнес он дружески, – я с великим трудом отстоял право завтракать и обедать в тесном кругу семьи. А вот на ужин, что делать, соберутся все бездельники герцогства... Ничего не поделать, традиция.

Я смолчал насчет того, что традиции надо чтить, эту традицию герцог явно не чтит.

После обеда дворец начал наполняться хорошо одетой, сытой и довольной публикой. И не просто довольной, а самодовольной, уверенной, богато и роскошно одетой. Я старался не попадаться на глаза, наблюдал за всеми либо с балкона, либо во дворе с безопасного расстояния.

Молодые щеголи в напудренных париках сразу же окружили леди Элизабет. Она мгновенно расцвела, осыпанная комплиментами. Они так за нею и ходили, все подчеркнуто нарядные, яркие, исполненные чувства превосходства уже потому, что у них банты на поясе уже по последней моде слева, а у остальных, ну что за кретины, все еще справа.

Хорошо следить за модой, подумал я завистливо. Когда напялишь на себя что-то от Штрауса, сразу с презрением посматриваешь на то быдло, что носит китайское. И всячески подчеркиваешь, что не питаешься в Макдоналдсе, дескать, у меня вкус, а вы всякое говно жрете.

Леди Элизабет продвигалась по залу по широкой дуге, раскланивалась и одаривала всех сияющей улыбкой. Ее кавалеры перед кем-то приподнимали шляпы, кому-то просто кивали, многих вообще не замечали, глядя с холодным равнодушием поверх голов.

Я увидел, что моя норка на их пути, с запозданием выскользнул, но леди Элизабет меня уже заметила, что-то с улыбкой сказала своим кавалерам, те ехидно заулыбались. Я вынужденно остановился, убежать у всех на виду как-то не совсем, а они так и приблизились: леди Элизабет в центре из комплиментов, лести и восторгов, яркие павлины справа и слева, даже сзади.

С нею Эйсейбио, остальные такие же типичные: слева тип с распутной мордой сластолюбца, слащавый и весь истекающий, с ним еще два примерно таких же, но менее ярко выраженных, справа старый молодящийся козел бернардошуостого облика, что умеют острить и афоризничать только о бабах и обо всем, связанном с бабами и только с бабами, эдакий мыльный пузырь до самой могилы.

Рядом с ним явно чем-то мается господин с унылым лошадиным лицом, такими я представлял себе ученых, исследователей, докапывателей до истины. Он натужно улыбался, при этом морда кривится так, словно ему больно после челюстной операции.

Я учтиво поклонился, не перебарщивая, я же из провинции, должен держаться несколько старомодно и скованно.

– Леди Элизабет.

Она милостиво кивнула.

– Да, маркиз?

Я окинул ее взглядом с головы до ног.

– А вы ниче...

Вокруг нее дружно захохотали, она чуть улыбнулась.

– Видимо, у вас это комплимент, маркиз?

– Ага, – ответил я и утер нос рукавом. – Ага.

Они хохотали и толкали друг друга, а сластолюбец сказал томно:

– Несравненная, вам нужно принять маркиза в наше общество! Он просто необходим, разве не видите? Он добавит свежую струю в наш парфюмный мир...

– Свежую струю навоза, – уточнил один из его дружков, и снова все захохотали.

Леди Элизабет светски улыбнулась.

– Вы абсолютно правы, граф Гаррос. Непосредственность маркиза просто очаровательна. Маркиз, вы просто обязаны присоединиться к нашему обществу!

Я ответить не успел, господин с унылым лицом изрек важно:

– Юноше предстоит усвоить, что есть женщины, в которых никто не влюбляется, но которых все любят. Есть женщины, в которых все влюбляются, но которых никто не любит. Счастлива только та женщина, которую все любят, но в которую влюблен лишь один.

Его слушали вежливо, но с несколько натянутыми улыбками. Я подумал, что, наверное, все правильно, хотя я не особенно вникаю, что он там сказал. У меня что-то в мозгу происходит, как только слышу «женщина»: в извилинах короткое замыкание, мозг отключается. Переел, видать.

– Мужчина любит обыкновенно женщин, – продолжил господин, похожий на исследователя, – которых уважает. Женщина обыкновенно уважает только мужчин, которых любит. Потому мужчина часто любит женщин, которых не стоит любить, а женщина часто уважает мужчин, которых не стоит уважать...

– Браво, лорд Водемон, – сказал граф Гаррос и вежливо поаплодировал. – Вы, как всегда, глубокомысленны. Хотя я бы добавил, что мужчина любит женщину чаще всего за то, что она его любит; женщина любит мужчину чаще всего за то, что он ею любит.

Эйсейбио наклонился к моему уху:

– Лорд Водемон прекрасный человек, он добросовестно волочит за всеми женщинами подряд. Но ему недостает легкости...

– Зануда? – спросил я.

Эйсейбио прошипел:

– Тише!.. Как вы откровенны, с ума сойти... Но подобрали точное слово, он несколько зануден. Когда речь о женщинах, надо вообще избегать умностей. Нужно говорить обо всем и ни о чем. Чирикать и прыгать, как воробьи, без всякого смысла. Легкость и изящество ценится выше, чем умные речи. А лорд Водемон, увы, этого не понимает.

Я посмотрел на господина Водемона с сочувствием. Время интереса к истории или палеонтологии не пришло, а что еще исследовать в обществе? Баб-с, конечно. Как будто их можно разложить по полочкам... Хотя, конечно, можно, но... на фиг?

Леди Элизабет подошла ко мне вплотную и проворковала томно:

– Маркиз, расскажите о своем медвежьем крае... Это так интересно!

Гаррос и другие угодливо подхохотнули. Я развел руками.

– А рассказывать нечего... Там нет таких красивых женщин, как леди Элизабет, нет таких умных мужчин, как сэр Водемон, нет таких утонченных острословов, как сэр Гаррос... Собственно, там ничего нет.

– Потому вы и сбежали?

– Ну да, – подтвердил я. – Восхотелось посмотреть, в самом ли деле свет так широк.

– Ну и как?

Я сдвинул плечами.

– Пока не знаю. Я прошел не больше двадцати королевств, а это так мало.

Они почему-то замолчали, затем леди Элизабет с принужденным смехом проворковала:

– Ах, маркиз! Вы не стерли ноги? Двадцать королевств, подумать только...

Ее кавалеры снова хохотнули в унисон. Я ответил примирительно:

– Конь падает не только от излишней скачки, но и от застоя.

– Ого! – воскликнула она, обворожительно сверкая глазами и улыбкой. – Двадцать королевств... И вы еще страшитесь, что падете от застоя?

– У мужчины всегда есть силы, – объяснил я, – если он не слишком тратит их на женщин.

– Фи, – сказала она и мило надула губки, – какой вы грубый... А на что еще тратить? Когда-то и вам придется выбрать одну из женщин, чтобы свить гнездо. Или взять ту, которую навяжут родители.

– Не знаю, – ответил я. – Никогда о таких вещах не задумывался. Но, по-моему, хуже брака без любви может быть только брак, в котором любовь только с одной стороны.

Граф Гаррос посматривал ревниво, слишком уж долго леди Элизабет говорит с тем, кому отведена роль шута.

– Маркиз, вы слишком дремучи!.. – воскликнул он победно. – Как можно жить с такими взглядами? Я вот предпочитаю распущенных женщин.

– Почему? – поинтересовался я.

– Добродетельные женщины верны мужу, – сказал он и хихикнул, – распущенные – любовнику!

Я пожал плечами.

– ...а умные – обоим.

Он посмотрел на меня с вопросом в глазах, а леди Элизабет улыбнулась.

– Ого!.. В медвежьих углах есть, оказывается, еще и такая категория!

Я ответил с поклоном.

– Да, леди Элизабет. У нас есть еще и умные женщины. Должен заметить, именно они и пользуются... наибольшим вниманием.

Она поинтересовалась ядовито:

– А чем они еще отличаются?

– Да многим, – ответил я небрежно. – Добродетельные спят в белье, распущенные – голыми, а умные – по ситуации. Добродетельные любят всех детей, распущенные – только совершеннолетних, умные – своих. Добродетельные верят в чистую любовь, распущенные – в частую, умные – в... хорошую. Добродетельные одеваются аккуратно, распущенные – вызывающе, умные – быстро. Добродетельные становятся заботливыми женами, распущенные – фее-рическими любовницами, умные – верными друзьями. Добродетельные верят мужчинам, распущенные – не верят мужчинам, умные – не верят никому... Надеюсь, этого пока достаточно.

Простите, я не могу просто удержаться: побегу взглянуть на дивного коня, на котором приехал какой-то господин в красной шляпе!

Когда я поспешно удалялся, граф Гаррос сказал громко:

– Вот каковы они, невежды! Перед ним прекраснейшая из всех женщин, а он на что пошел смотреть?

Я ухмыльнулся, представляя, как лорд Водемон морщит лоб, стараясь запомнить для своей классификации те перлы, что я выдал.

Во дворе знойное солнце тут же окатило лицо щекочущим теплом, дружеским и дающим силы. Слуги наперебой бегут со скамеечками в руках к подъезжающим экипажам, из карет появляются вельможи, матроны с дочками, молодые женщины с сопровождающими, уже с утра скучающими повесами...

По двору прогуливаются трое разодетых щеголей, шляпы прямо мексиканские, да еще с длинными пышными перьями, красно-сине-зеленая одежда в бантах, застежках, фижмах и рюшечках. Этого достаточно, чтобы с чувством полнейшего превосходства громко хохотать над теми, у кого перья короче или рюшечки не такие кокетливые.

Я молча озлился, глядя, как сплевывают под ноги выходящим из карет и оглядывают их, словно животных на пастбище. Перед некоторыми, однако, прогибаются и метут шляпами пол, на других смотрят свысока, как на роющихся в загоне свиней, у третьих вообще стараются встать на пути, чтобы их обходили пугливо и униженно.

Они все разом, словно трое в одном теле, оглядели меня с головы до ног. Поморщились дружно, словно вместо розы нюхнули коровью лепешку.

Один из них гаркнул громко:

– Э-э-э... маркиз!

Оклик бесцеремонный, его друзья тут же оскорбительно захохотали, подчеркивают для тупых, что меня разве что по морде не ударили, вот такие они крутые.

Я обернулся с вежливой улыбкой.

– К вашим услугам.

Он приблизился не спеша. Друзья, посмеиваясь, остались на месте. Этот, заставляя меня ждать, снова с той же оскорбительной медлительностью оглядел уже с ног до головы, будто оценивал, за сколько купить.

– А какие услуги вы оказываете?

– Могу в рыло дать, – предложил я любезно.

Он опешил.

– Что? Это как?

– Вот так, – объяснил я охотно.

От удара в лицо он отлетел на пару шагов, грохнулся на спину и некоторое время лежал, раскинув руки. Из сломанного носа кровь живописно брызнула ярко-красными струями на лицо и подбородок. Щеголь сообразил, что вся кровь на нем – его кровь, подхватился и с диким поросычьим визгом ринулся в дом.

Я посмотрел на его приятелей с полнейшим непониманием на моем простом медвежачьем лице.

– Что это с ним?... Только начали учтивую беседу.

Они смотрели на меня с застывшими бледными улыбками. Один проговорил наконец, мне показалось, что его трясет:

– Маркиз... что вы... делаете...

– А что? – спросил я удивленно.

– Но вы же... из благородного сословия?

– Ну да, – ответил я и утер нос рукавом, – а че?

Он ахнул.

– Однако же для благородных людей существует благородное оружие...

Второй добавил с растущим возмущением в голосе:

– А вы... как какой-то пьяный мужик...

– А, – протянул я, – вот вы о чем! Все верно, но с одной крохотной поправкой. Не как пьяный мужик, а как пьяного мужика. Неужели вы своего конюха тычете шпагой?..

– Но он не пьяный конюх!

– Правда? – спросил я с удивлением. – А мне показалось, что именно пьяный конюх... нарядившийся в костюм своего господина.

Они смотрели на меня гневно, первый начал грозно шевелить усами, а второй проговорил угрожающе:

– Маркиз, мне кажется, вы стараетесь нас оскорбить...

Я развел руками.

– Не будем тянуть, друзья. Вы хотите проверить, что из себя представляет новичок? Вы не первые. Ваш дружок, кстати, уже проверил. По-своему. Вы тоже сейчас узнаете. Хотите?

Они переглянулись. Я блефую, крупно блефую, а блефовать научились задолго до изобретения игры в покер. С другой стороны, важно, как блефуют, и я весь играю звериной силой, смотрю хищно, выдаю всем видом, что вот прямо щас погромсаю их на куски и пройду сапогами по их окровавленному мясу, потому что и сам зверь, каких поискать, и весь напичкан защитными амулетами.

Щеголи снова переглянулись, первый перестал шевелить усами, а второй проговорил несколько другим тоном:

– Маркиз, мы не хотим с вами мериться умением обращаться с оружием.

Усач поспешно добавил:

– По крайней мере, по такому пустяку. Но вы же сами понимаете, что с таким поведением навлечете на себя немилость света!

– Поведение адекватное, – заверил я, хотя внутри протестующе квакнуло, мол, дурак, они правы, – а перед светом я постараюсь себя реабилитировать. Мое почтение, господа!

Я коротко поклонился и, повернувшись спиной, пошел в здание.

Глава 5

О том, что я поступил неблагородно, стало известно всему двору герцога уже через пару минут. Все судачили, как я низко пал, а я уединился в своей комнате и раздумывал, что вообще-то это разделение на благородных и неблагородных не такое уж и ненужное, а существует для того, чтобы не дать благородным опускаться до простолюдина. Это постоянно усложняющийся кодекс поведения того, что человек должен делать и чему должен соответствовать.

Даже это вот бесцельное пребывание дворян при дворе – и то служит благой цели: потеться среди более знатных, знающих, умеющих – самому стать лучше. Ведь куда проще феодалу просто существовать в своем замке среди крепостных, наслаждаясь полной властью, ничему не обучаясь, ни в какие рамки себя не загоняя. И никто не скажет ему в селе среди простолюдинов, что у него вечно расстегнута ширинка. Хотя бы потому, что у самих так же.

А здесь даже криво завязанный бант на обшлаге способен уронить репутацию. Над этой дуростью можно бы погыгывать вволю, наслаждаясь своей умностью и превосходством, если бы я не знал страну, где точно так же криво завязанный галстук способен вызвать насмешки, а плохо начищенные туфли даже умнику не позволят занять при отборе на работу более высокое место.

И не надо ха-ха, все не зря: человек, способный в мелочах регламентировать свою одежду, поведение и слова, сможет и работать так же точно, безошибочно и без неряшливости. Так что эти требования – быть дворянином во всем и не допускать жестов, опускающих до черни, – не так уж и нелепы.

Я оглядел себя в зеркале, оно добросовестно отразило мою маску, а иначе не бывает, все зеркала отражают именно маски, расправил плечи, сделал лицо надменно-доброжелательным и покинул покои.

По главному залу прогуливаются повесы в составе старого козла, не слышал его имени, Эйсейбио, Гарроса, Водемона и прочих, а леди Элизабет водит их, как гусей, улыбаясь и щебеча, щебеча, щебеча. Я пытался проскользнуть незамеченным, но Эйсейбио заорал, махая рукой, я натянул на морду счастливую улыбку и подошел, отвешивая поклоны.

На меня посмотрели настороженно, но я старался выглядеть овечкой, и лорд Водемон, кивнув в ответ на мое приветствие, продолжал:

– ...леди Элизабет, этому вашему портретисту, как и прочим, суждено полное забвение. Они никогда не передают того, что видят. Передают то, что видит публика, а публика не видит ровным счетом ничего. С тем же успехом могу вас рисовать я, если согласитесь позировать... более откровенно.

– Почему вам?

– Мы же оба принадлежим к благородному обществу! Потому вы со мной можете быть более откровенны... в одеждах.

Она возразила живо:

– А мне отец говорил, что мы наиболее откровенны перед лекарями и портнихами! А они, согласитесь, из самого простого круга...

Старый козел, который похож на Бернарда Шоу, захлопал в ладоши.

– Bravo, леди Элизабет, – сказал он козлиным голосом. – Лорд Водемон повержен.

Водемон поклонился и развел руками.

– Признаю, лорд Шуй, логика леди Элизабет неопровержима. Я даже начинаю побаиваться, а вдруг она... тьфу-тьфу!.. умна?

Леди Элизабет улыбнулась мне, а Водемону ответила с живостью:

– И вообще я устала позировать! Быть естественной очень трудная поза – долго не выдержишь! Я удивляюсь, как герцогиня Ценцелла выдержала, когда рисовали ее портрет!

Лорд Шуй проговорил еще более козлиным голосом:

– Говорят, она все еще любит своего мужа! И он, можете себе представить, все еще... ха-ха, любит ее и даже верен ей!

– Бред, – сказал Гаррос уверенно.

Водемон фыркнул:

– Человека, который всю жизнь любит одну женщину, следует отправить к врачу, а может, и на виселицу.

Лорд Шуй улыбнулся, как мог бы улыбнуться старый козел, что все еще оглядывается вслед молодым козочкам.

– Возможно, – произнес он совсем козлиным голосом, – это сам герцог Гендель и распространяет такие слухи. Я как раз слышал, что он весьма близок с Ксантой, женой герцога Маргуйского. Встречи их крайне тайные, так что вы уж не подвергайте сомнению его верность жене... ха-ха!

Эйсейбио спросил заинтересованно:

– Я слышал, они сейчас в Майенне?

– Вы слышали верно, – проблеял лорд Шуй и по-козлиному посмотрел на леди Элизабет.

– Значит... – произнес Эйсейбио задумчиво, – она сейчас скучает?.. Прекрасно! Ничто так не украшает женщину, как временное отсутствие мужа. У меня есть пара свежих анекдотов про любовников, я подкатился бы к ней с этими историями, а потом сразу про ее грудь, она ею явно гордится, раз так выставляет на обозрение...

– Постарайтесь расшевелить ее, – посоветовал лорд Шуй деловито. – Чем угодно. Там, где не подыгрывает любовь или ненависть, женщина играет посредственно, и с нею скоро становится скучно.

На меня посматривали, ожидая, когда же я раскрою рот, я подумал, что и в самом деле надо бы что-то вякнуть, поинтересовался:

– А какой смысл волочиться за леди Ксантой, если она замужем? Лучше уж за вот теми ледями, видите?.. Одна, судя по прическе, еще не замужем, другая – уже вдова...

Эйсейбио сказал мне наставительно:

– Если женщина принадлежит другому, она в пять раз желаннее, чем та, которую можно заполучить, – старинное правило.

Лорд Шуй скабрёзно улыбнулся и сказал вполголоса:

– Знаток говорят, что леди Ксанта весьма искусна. Ее имитация любви стоит больше, чем непритворная любовь многих женщин. Она очень-очень хороша!.. Все предпочитают жить со страстной женщиной, чем со скучной. Правда, страстных иногда душат, но редко бросают.

Я выглядел озадаченным, Эйсейбио пояснил мне с усмешкой:

– Маркиз, очень многие предпочитают репутацию прелюбодея репутации провинциала. Вы единственный оказались с настолько толстой кожей, что даже не стыдитесь своего провинциализма.

– А что стыдиться? – спросил я. – Человек не выбирает, где родиться. Родиться провинциалом, как и дураком, не стыдно, стыдно умирать дураком. Да и жить, гм... вообще-то...

Они помолчали, морды озадаченные, вроде бы мысль умная, но совсем не салонная, а если не салонная, то ерунда. Эйсейбио это понял первым, просветлел лицом и зашептал:

– Берегитесь, сэр Ричард! Сюда идет баронесса Генриэтта. Она в каждом мужчине ищет мужа, потому что в муже не нашла мужчины.

В зал вошла роскошно одетая и вообще роскошная женщина, ослепляя мир огромным полуоткрытым бюстом. Я еще издали прикипел к нему взглядом, хотя, как говорят правила этикета, женщине нужно смотреть в глаза и делать вид, что внимательно слушаешь ее восхитительный лепет.

Ее полушария буквально разрывают декольте, я сразу же представил, как было бы здорово, если бы это случилось, и она, перехватив мой взгляд, все поняла по моему лицу и победно улыбнулась. Демонстрация высокого бюста, такого налитого и просящегося в мужские ладони – результат умения портнихи и самой хозяйки расположить правильно и носить умело, так что мой взгляд – это как проголосовавший в пользу ее хозяйки один из спортивных судей.

Конечно же, женщина, которая носит вот так грудь, сама открыта миру, щедра, добра и распространяет вокруг себя приятную ауру, что поднимает всем мужчинам тонус.

Лорд Водемон прошептал мне на ухо:

– Он прав, баронесса идет в самом деле в нашу сторону...

– Чем она примечательна?

– Самая феерическая любовница, – пояснил Водемон. – После смерти барона ей достались владения в Шатле, Вигноре и Бюльневилле. А так как барон был бездетным, то и все триста тысяч гульденов теперь в ее полном распоряжении. За ее внимание сражаются все мужчины двора!

– Так куда же вы удираете?

Он сказал опасливо:

– У нее больно острый язычок...

Все наше общество поспешно сдвинулось в сторону. Я понял так, что леди Элизабет то ли не желает с нею делиться воздыхателями, то ли спасает их от острого язычка баронессы. А она в самом деле направлялась к нам, стройная, с высокой прической, укрытой прозрачным платком, что вроде бы и закрывает пристойно волосы, но в то же время рассмотреть их не составляет труда, ну, стринги некой неназываемой эпохи. Глаза ее блеснули любопытством, а платье с низким вырезом едва держится на узких оголенных плечах.

– Маркиз! – вскрикнула она звонким щебечущим голосом. – Говорят, вы осадили самого Бульвилля...

Я пробормотал:

– Ах, леди...

– Леди Генриэтта, – прошептала она и подвигала плечами, чтобы платье опустилось ниже. Мои глаза тут же скосились на выпирающую, как подходящее тесто, грудь. – Маркиз, вы обязательно расскажите, как вы это сделали...

– Гм, – ответил я осторожно, – вряд ли это для таких нежных ухов молодой девушки... Может быть, я вам что-нить галантное про поручика Ржевского...

Она отмахнулась.

– Да в жопу эту галантность! Я не целомудренная девушка, а вдова барона Вигнора, молодая и очень даже живая вдова, маркиз, имейте это в виду... Я насиделась взаперти в замужестве, теперь жажду веселья и прочих интересных встреч!

– Я скучный человек, – заверил я и попытался заглянуть в ее вырез глубже, вот уже показались края бледно-розовых кружков. – Ох, какой я ску-у-учный... Вот щас прям совсем ниче не соображаю.

– Умному никогда не скучно, – заверила она, а улыбкой дала понять, что поняла, почему я ничего не соображаю, – пока он способен на глупости. И вообще, жизнь без женщин и вина бесполезна и скучна! Вы не согласны?

– Я с вами на все согласен, – заявил я, не понимая, почему платье не соскальзывает дальше. Наконец сообразил, магия! – А на что не согласен, на то поддамся в виде исключения только вам. Но не сразу.

– Это как это?

– А поломаться? – удивился я.

– А-а-а, – протянула она понимающе, – так вы, оказывается, пресытились ролью охотника?.. Хочется побыть в роли дичи?

– Ну да, – сказал я, – только без всяких там кандалов и плеток, я нежный... Но чтобы вы напали на меня и грубо изнасиловали, я совсем не прочь. Еще как не прочь!

Она оглядела меня оценивающе.

– А что, это мысль. Маркиз, вы вносите свежую струю в наши довольно однообразные игры! Я вот как-то не подумала даже про такие возможности... А что, у вас и такое есть?

Я вздохнул.

– Ах, леди... Когда делать нечего, собака яйца лижет, а человек чего не придумает! К счастью, я вырвался в мир, где есть чем заняться...

Она вскинула на меня лучистые глаза, губы тронула улыбка.

– А вы не дикарь, маркиз. Вон как изящно отказались участвовать в наших играх! И нас не лягнули, и себя похвалили.

Я ощутил, что уже невольно погружаюсь в этот словесный поединок любовной игры. В остроумии леди Генриэтте не откажешь, она наконец-то ощутила, что я держу удар и отвечаю в той же манере, заинтересовалась и усилила натиск, я сопротивляюсь достаточно успешно и контратакую, у нее заблестели глазки от удовольствия, губы покраснели и распухли, а бледные щеки порозовели.

Я видел, как она расцветает, словно цветок под теплым майским дождиком, мало кто так молниеносно реагирует на ее остроты и успевает не только отразить, но и нанести ответный укол, флирт вообще оттачивает наше умение ориентироваться и успевать реагировать.

– Маркиз, люди делятся на тех, кто стремится вырваться из порочного круга, и на тех, кто стремится туда ворваться! А вы ни туда, ни сюда...

Я развел руками.

– Если бы можно было оказаться в объятиях женщины, не оказавшись в ее руках!

Она томно вздохнула.

– Ах, маркиз, лучше обожать, чем быть предметом обожания. Терпеть чье-то обожание – это скучно и тягостно!

Я предложил самодовольно:

– Да я не против, обожайте вволю! Я такой добрый. Я даже денег с вас не возьму.

Она расхохоталась, широко раскрывая рот, чтобы продемонстрировать возможности, и показывая нежную белую шею. Пышные груди приподнялись еще больше, а у самого края нечто призывно заалело. Я попытался взглядом либо отодвинуть края грубой ткани, либо как-то вытащить эти дивные штуки.

– С вами весело, маркиз! – сказала она. – Не люблю серьезных мужчин. Серьезность – последнее прибежище заурядности. Маркиз, скажите какой-нибудь комплимент!

Я подумал, выдавил тяжело, глядя на ее грудь:

– Леди, какие у вас красивые... э-э-э... волосы! Я бы даже сказал... редкие. Очень редкие волосы...

Она вслушалась, улыбнулась, кивнула:

– Великолепно. Снова удивляюсь, почему вы не в обществе. Все пропитано флиртом, любовными флюидами... а вы?

– В любви, – заметил я, – всегда один целует, а другой лишь подставляет щеку. Потому я предпочитаю другие виды... забав.

Она улыбнулась.

– Верно считают, что наивных мужчин больше, чем наивных женщин.

Я сказал ей очень серьезно:

– У женщин просто удивительное чутье. Они замечают все, кроме самого очевидного.

Она посмотрела с вопросом в глазах, что же не заметила, но я загадочно поклонился и указал взглядом на нетерпеливо поджидающих ее поклонников, которые, в отличие от лорда Водемона, готовы терпеть ее колкости.

– Ах, эти, – сказала она со смешком, – вы правы, надо выполнять светские обязанности. Вы хитрый, сумели от них увильнуть!

И ушла, одарив комплиментом, так что за ней осталось не только последнее слово, но и приятное впечатление. И как о собеседнице, и как о милой женщине, способной слушать тебя, единственного и неповторимого, что значит – сильного, красивого, умного. А женщина, которая согласна слушать, уже наполовину согласна, такой закон флирта.

Во флирте главное вот это, что наполовину. Или даже на две трети. Но, упаси Боже, не целиком. Флирт из простого рыцарского обожания и неуклюжего ухаживания развился до такой степени, что сейчас это уже сложное и вычурное искусство. У него еще те правила и законы, свои у каждого жеста, а у каждого цветка своя атрибутика, но даже один и тот же может передавать самые разные чувства в зависимости от того, сорвали в виде бутона, расцветшим, с листьями или без, и много-много чего еще для меня сложного и непонятного, как тензорная математика. И та женщина или тот мужчина, кто не усваивает тонкости этих премудростей, может только облизываться, когда более продвинутые лопочут на своем языке, мы же эстеты, мол, мать вашу, а вы – простое быдло, несмотря на ваши миллионы и счета в швейцарских банках.

Бесцельно двигаясь по дворцу, я снова выбрался во двор, но на этот раз осматривался уже целенаправленно. Где-то же есть эти жалкие услужливые люди, их богатые держат у себя из милости и любопытства: алхимики, звездочеты, которые попозже придумают компьютеры и звездолеты. Правда, и потом они останутся в тени, а на первом месте, сменив королей и герцогов, появятся шоумены и прочие клоуны...

Я вышел даже на задний двор, там хорошо уложенная ровными плитами площадь, ни травы, ни мишеней для упражнений со стрелками. Хотя что-то я подзабыл. Здесь маги не ютятся в подвалах и пристройках, здесь они в своих загадочных башнях заняты расколдовыванием старинных манускриптов и разгадыванием действия древних артефактов...

Высоко в небе прокатились раскаты грома. Я вскинул голову, небо блещет прозрачной синевой, чище не бывает, ни единого облачка, однако гром прогремел снова, словно незримая туча приближается, неся в чреве молнии, ураганы и разрушения.

Я поспешно обогнул дворец, с той стороны народу больше, люди поднимают головы, кто-то остановился, другие собираются в группки. Одни оживленно спорили, указывая вверх, иные, напротив, поспешно торопились прочь, разбредались по домам.

Из дворца вышел граф Эйсейбио, уже навеселе, морда красная. Я видел, как он приложил ладонь козырьком к глазам и мрачно смотрел в небо. Я пошел к нему, а он, оторвав от лба ладонь, встретил меня угрюмым взглядом.

– И у вас так? Впрочем, так везде...

– Это что, – спросил я, – магия?

– Маг, – ответил он коротко. Оглянувшись, я смотрю непонимающе, сказал раздраженно: – Маг недоволен.

– Ого, – вырвалось у меня невольно, – маг здесь... что-то вроде высшей силы?

– Он маг, – ответил он хмуро.

Небо из безмятежно-синего быстро становилось зловеще-фиолетовым. На землю пала недобрая тень, в небе заблистали огни. Народ начал с криками разбегаться.

Небосвод прочертила стремительно опускающаяся красная линия. Оборвалась за границей города, взвился столб черного дыма. Крики стали громче, люди в панике вбегали в дома, я слышал, как щелкают засовы.

С неба с большой скоростью падали огненные градины. Я слышал, как с треском разбиваются о землю, во все стороны брызгают искры. Гром прогремел с такой мощью, что затряслась земля. Эйсейбио сгорбился, пьяное лицо словно бы протрезвело, кулаки сжаты, в глазах бессильная злость.

– Что делать? – прокричал я.

– Ничего, – ответил он мертвым голосом.

– Но этот огонь...

– Мы ничего не можем сделать, – прервал он зло. – Вы что, не понимаете?

Я поспешил перевести вопрос в другую плоскость:

– Почему не гасят пожар?

Он ответил угрюмо:

– Пожара не будет... думаю. Это только предупреждение. От магического огня пожар может быть, а может и не быть.

– А если будет?

Он сдвинул плечами.

– На то воля мага. Он может погасить любой пожар. А может не позволить погасить простой костер.

Я посматривал искоса, вряд ли дворянство ликует, что вся власть у магов, но и дворяне не идиоты: против метеоритной атаки с мечами не выстоять.

– Круто, – сказал я. – Нет, у нас не так. Хотя чем хвалиться? Просто мы слишком малая величина. Не то что здесь... И что, короли никогда не пытались... отстоять свое право править?

Он проворчал:

– Когда-то, по дошедшим из древности слухам, король одного королевства решил не подчиниться магу. И его лорды оказались слишком горды и поддержали вождя, хотя маг трон упряма предлагал каждому из них. Они собрали огромное войско и с трех сторон выступили против мага...

– И как? – спросил я, уже догадываясь, что могло произойти.

– Прошли везде, уничтожая помощников мага, и встретились у башни, где жил маг. Остался один последний штурм. И тут маг показал свою силу... Небо стало кровавым, посыпался град раскаленных камней и сгустки огня. Войско было уничтожено за мгновения, но разгневанному магу показалось мало. Огонь с неба смел дома, дворцы, крепости. Маг в ярости стер с лица земли замок короля и остальные замки, сжег города и села. Из людей спаслась горстка, укрылась в лесах да пещерах...

– Показательно, – сказал я.

Он передернул плечами.

– Да, это был урок всем.

– Подействовал?

– Еще как! С того случая ни в одном королевстве не помышляют ослушаться мага. Ладно, маркиз, не буду нагонять на вас тоску. С другой стороны, власть мага всем во благо. Королевство защищено гораздо лучше, чем если бы мы держали огромную армию, изнуряя народ непомерными налогами.

– Да, – согласился я, – когда воевать не нужно, можно волочиться за юбками.

– И пить, – добавил он с натужной бодростью. – И пить, маркиз!

Однако, судя по кислому выражению лица, свежий воздух ему уже разонравился. Следом за ним я вернулся во дворец. К счастью, маги не на Севере, мелькнула мысль, я снова ощутил импульс перекреститься. Гордые рыцари не смирились бы с властью презренного мага и поперли бы с выставленными копьями на злодея. И полегли бы до единого. А в землях погибших юные сыновья, узнав о трагедии, вскакивали бы на коней, расхватывали мечи и мчались мстить.

Рыцарей не остановить ни стрельбой из крупнокалиберных пулеметов, ни танковыми орудиями, ни крылатыми ракетами. «Честь дороже!!!» – гремело бы над полем битвы. И все бы предпочли красиво погибнуть, потому что лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

Я помотал головой, хреновое чувство, когда знаешь, как все случится, но не хочешь, чтобы уходила из жизни святость, чистота, верность слову, верность друзьям, верность любимой женщине. Нет, надо все-таки на Север, там еще могу что-то успеть. Возможно, нужно всего лишь крутнуть штурвал чуть в сторону, когда перед кораблем выныривают опасные рифы.

Веселая компания, в центре которой леди Элизабет, расположилась в алькове, и я, не заметив, прошел в опасной близости. Они сразу же загалдели, замахали руками.

– Маркиз!

– Маркиз, к нам!

– Маркиз, расскажите, как вы сумели завоевать расположение старого герцога? Может, подскажите, как завоевать сердце леди Элизабет?

Сама леди Элизабет посмотрела на меня с напускным подозрением и заявила обвиняюще:

– Маркиз, от вас пахнет красивой женщиной!.. Сознавайтесь!

Говорила она веселым щебечущим голосом, явно предлагая потрепаться на игривые темы, хотя в голосе вроде бы проскользнули и другие нотки.

– Женщиной? – удивился я. – Упаси меня от таких ловушек!

– Почему? – радостно изумилась она. – Вот леди Делина, как я заметила, обратила на вас внимание...

– Кто, вон та?.. – спросил я. – Вижу... Ухаживать за такой опасно. Это как лотерея, в которой боишься выиграть. Есть такие женщины: пришьет тебе вешалку к пальто, а потом говорит, что отдала молодость. И вообще, леди Элизабет, мне ли с моей медведистостью ухаживать?

– Ничего страшного, – безапелляционно возразила она. – Лучше пусть женщина возмущается, чем скучает.

Ее щеки покраснелись, глазки блеснули. Я вспомнил, что женщина никогда не забывает о своем поле и всегда предпочтет говорить с мужчиной, чем с ангелом.

Я поклонился и развел руками.

– Леди Элизабет, мне в таком блестящем обществе ничего не обломится.

Она сказала покровительственно:

– Маркиз, постарайтесь получить то, что любите! Иначе придется полюбить то, что получите.

Граф Гаррос подхохотнул, я развел руками.

– Эх, если бы я мог получить ту, что хочу.

Она заулыбалась довольно, мол, старайся-старайся, я вот рядом, но нужно очень постараться, чтобы дотянуться. Очень-очень постараться. Лорды Водемон и Шуй тоже заулыбались с задержкой на секунду.

– Вы должны напрячь свои силы, – сказала она наставительно. – Добиваться!

Я пожал плечами.

– Любовь отдает себя в дар, леди Элизабет. Купить ее невозможно. В том числе и галантным добиванием.

– Любовь – это все, – сказал умно лорд Шуй. После рассчитанной паузы добавил: – И это все, что о ней известно.

Гаррос и Эйсейбио зааплодировали, лорд Шуй полушутливо раскланялся. Глаза его победно блеснули, он наслаждался вниманием общества больше, чем вниманием хорошеньких женщин. Впрочем, женщины стараются привлекать в свою свиту таких острословов, это придает им самим блеск и повышает ранг.

Я пробормотал:

– Я много мог бы сказать о том, что такое любовь... но лучше промолчу.

– Почему, маркиз?

– Я слишком... провинциален, – ответил я. – Я в самом деле верю, что она существует. Они дружно захохотали, словно я отмочил невесть какую шутку,

– Любовь – это заблуждение, – наставительно сказал лорд Водемон, – которым одна женщина отличается от другой. А женщины разделяются всего лишь по принципу: порочные и добродетельные. С порочными не знаешь покоя, а с добродетельными изнываешь от скуки. Вот и вся разница.

Все снова встретили сентенцию возгласами одобрения. Я подумал вяло, что это нам эти глупости приелись, а им, возможно, самый свежачок. Я со своим арсеналом анекдотов легко вытеснил бы не только лорда Шуя, но и вообще стал бы не знаю каким остряком.

– С позволения леди Элизабет, – сказал я, – пойду пройдуся по парку. Никогда не видел еще такой красоты!

Она проводила меня недовольной гримаской, как можно покидать изысканное общество, когда можно бесплатно любоваться ее прекрасными глазами, ее чистой кожей, ее безупречным овалом лица, слушать милый щебет, удостоиться счастья заслужить улыбку и благосклонный взгляд...

Вместо прогулки по парку я поднялся в отведенную мне комнату. Молот на прежнем месте, мне показалось, что посмотрел на меня с укором, меч и лук холодно промолчали.

– В самом деле пора, – сказал я вслух. – Вы правы, ребята.

Глава 6

Вошел скромно, но богато одетый мужчина в пышной одежде и парике с пуделячьими ушами. Несколько отстраненно и почти механически отпуделился с церемонными поклонами, подскоками и помахиваниями.

– Милорд, – произнес он почтительно, – я стучал, но вы сделали неслышимость?

– Мдя... – промямлил я. – Да как-то задумался... вот и... собственно...

Он бросил любопытствующий взгляд на мое отдыхающее от служения хозяину оружие.

– Я управитель Гатум Теркиш. Я хотел только узнать, вы какие свечи изволите в своей комнате?

– Чтоб горели! – ответил я.

Он тонко улыбнулся.

– Кроме свечей, что только дают свет, у нас есть и настоящие... Мы их так называем... они действительно дают еще и тепло.

– Да ну? – удивился я. – Как оригинально...

Он не повел и бровью, пояснил с тяжеловесной грацией:

– А те в свою очередь бывают такими, пламя которых колеблется... ну, если взмахнете близко рукой. Еще могут трепетать от банальных сквозняков, а есть такие, что ни на что не реагируют. Есть быстро сгорающие, а есть очень медленные...

– С ума сойти, – восхитился я, потому что от меня ожидаются именно восторги, – вот это, понимаю, богатство и мощь! Богатство – это когда разнообразие, а не просто много. Конечно, предпочитаю золотую середину. Пусть свеча будет как свеча: с настоящим жарким пламенем, но пламя пусть не трепещет, пугая меня зверскими тенями на стенах, а то я такой робкий...

Он восхитился мной в свою очередь:

– Прекрасный выбор, сэр! Именно взвешенный, без крайностей.

Еще бы не прекрасный, подумал я. Именно так горит лампочка. Он откланялся и тут же мановением длани заменил все свечи в отведенной мне комнате. Я не уловил, когда это произошло, он бормотал что-то под нос и разводил руками, как мне показалось, недовольно, однако свечи горели уже... иначе.

– С ума сойти, – повторил я уже с опаской, – сколько ж у вас амулетов? На все случаи жизни?

Он довольно улыбнулся.

– Благополучие хозяина измеряется количеством артефактов, которые делают его жизнь приятной.

– Ну да, – сказал я, – если не надо думать о пропитании, надо думать об украшении.

– Совершенно верно, сэр, – согласился он, отвешивая элегантный поклон. – К счастью, в известных нам королевствах даже крестьяне не знают, что такое голод. Совсем не те жуткие времена, о которых рассказывают маги.

– С ними можно встретиться?

Он покачал головой, лицо стало настороженным.

– Они не общаются с простыми.

Еще раз поклонившись, управитель ушел, а я подумал, что вот уже и я попал в простые. Впрочем, здесь все простые, даже короли. Но сейчас надо думать не о магах, а о хорошем выносливом и по возможности быстром коне. Несравненного Зайчика увижу только весной, а пока нужен конь, просто конь.

Я вышел в коридор, двое встречных стражей посмотрели на меня мутными глазами, как на таракана, что понаехал и объедает их хозяина.

Внизу у входа в зал сытый и пьяненький Эйсейбио держится за косяк, чтобы не упасть, граф Гаррос деликатненько, словно лакей, поддерживает друга двумя пальцами за локоть.

Эйсейбио оглянулся, зачувств мое приближение. Лицо восторженное, в глазах острая зависть, сказал свистящим шепотом:

– Смотрите, маркиз! Вон тот высокий красавец в желтом кафтане – сам граф Карлайн!..

– Ага, – сказал я и поискал взглядом красавца, но, по-моему мнению, тут вообще нет красавцев, кроме меня, понятно, – граф Карлайн... И что?

– Его победам несть числа, – сказал Эйсейбио и завистливо вздохнул. – Он идет от победы к победе.

– Достойный человек, – согласился я. – Он одерживал их на море или на суше? Какими войсками командовал? Или только в турнирных схватках?

Эйсейбио посмотрел на меня с непониманием, зато граф Гаррос врубился раньше и со вкусом расхохотался.

– На море или на суше! – повторил он, захлебываясь смехом. – Ха-ха-ха-ха-ха!... Надо будет это рассказать сегодня обществу. Маркиз, вы становитесь притчей во языцех. Грустно будет, если уедете от нас. Все ощутят потерю!

Я удивился:

– А что не так?

Гаррос продолжал заливаться смехом, а Эйсейбио, тоже заулыбавшись весьма ехидно, пояснил:

– Его победы более значимые, маркиз. Он сумел соблазнить графиню Черфильд, баронессу Клендер и даже жену графа Щециндера. Леди Жозефина очарована им настолько, что готова простить ему все измены! Он обольстил баронессу Помреж и завлек саму маркизу Энгеллу, прославился по всему королевству легкомыслием и беспутством, и все невесты королевства горят жаждой заполучить его в семейные сети...

Граф Гаррос, изнывая от нетерпения, как рассказчик еще более свежих анекдотов, перебил и, указывая на мелькающих придворных, пояснял, кто из них кого соблазнил, кто с кем повесничал, кто кого победил...

Слушая его характеристики, я как будто читал аннотации к тысячам одинаковых женских романов, где вот такие козлы обольщают и обольщают, обольщают и обольщают. Правда, в угоду нашим домохозяйкам подстраивается сюжетец, что такой вот влагалищик вдруг всерьез и весьма верно влюбляется. Хрень, конечно, но бабам хочется в это верить. Граф Карлайн, как и прочие карлайны, не персонаж женского романа, ни о какой влюбленности не мыслит, да козлы на нее и не способны, это только в женских грезах происходит, так что советы графа Гарроса по обольщению весьма практичны и основаны на житейских реалиях, что, дескать, все мы – козлы, а все женщины в глубине души – похотливые сучки. А у кого-то эта глубина уже на поверхности.

Пока он рассказывал, а я пытался заговорить о покупке коня, на прием прибыла светская красавица Мадлен де Флорендж. Часть ловеласов сразу ринулась во двор, отталкивая слуг, сами придвигали скамеечку и подавали руки. Я подивился, что же в этой толстушке такого красивого, но, во-первых, тогда каноны были иными, во-вторых, леди Мадлен и меня вскоре очаровала остроумием, меткими репликами, умением держаться.

С нею прибыла ее племянница, действительно красивая леди Изабелла, но я сразу уловил, почему ее так охотно берет с собой более опытная тетушка. Классическое определение флирта: это когда девушка не знает, чего хочет, но всячески добивается этого, так вот Изабелла полностью отдалась этому делу, не потрудившись заучить некоторые приемы. Сейчас радостно всем улыбается, чирикает, смотрит в глаза, даже играет в касание и не понимает, почему мужчины сторонятся ее. Чирикать с мужчинами надо, иначе другие перечирикают, но

не так уж навязчиво, а то при виде толпы окружающих мужчин возникнет ощущение поношенной одежды, а этого мы не любим...

Другое дело сама леди Флорендж, даже леди Генриетта, то ли хорошо заучили уроки обольщения, то ли это у них врожденное, но умеют быть любезной со всеми и в то же время всех держать на расстоянии.

Хрень какая-то, подумал я тоскливо. Искусство обольщения... термин-то какой!.. здесь достигло полного расцвета и такой утонченности, что бабнику, чтобы соблазнить женщину, нужно больше тонкой дипломатии и хитрости, чем Бисмарку, чтобы одурачить Европу.

Нечем им больше заниматься, в собственном соку варятся. Граф Эйсейбио, иронически щурясь, пьяный уже вдрабадан, подошел ко мне и дружески обнял за плечи.

– Ну как вам этот зверинец?

– Интересно, – ответил я дипломатично. – Но я рассчитываю утром отбыть дальше. Не посоветуете, где купить хорошего коня?

Он охнул.

– Зачем вам конь?

– А что, пешим?

Он покачал головой.

– А багеры на что?

Я мысленно ругнулся, в самом деле не подумал, но сказал с двусмысленной улыбкой:

– Граф... вы вот обычное обольщение растягиваете, как не знаю что, а я растягиваю путешествие! И так интересно бывает заглядывать в такие уголки, куда нельзя на багере!

– А-а-а-а, – сказал он понимающе, – тогда да... Лучшие кони, насколько знаю, у графа Цурского. Он прямо помешан на них. Ему и женщин не надо. К вашему счастью, он тоже где-то здесь.

– Пойду поищу, – сказал я, – кстати, граф... извините, что не за любовь спрашиваю, мне интересно другое...

– Спрашивайте, маркиз.

– А чем вы занимаетесь в свободное от волочения за бабами время?

Он посмотрел на меня с укором.

– Маркиз, маркиз... Вашу бестактность извиняет только ваша простота. Это волочение, как вы изящно назвали сей изумительнейший процесс, и есть смысл нашей жизни. И цель существования. И всего бытия. А чем заниматься еще?

– Простите, – повинился я, – что-то в самом деле я не туда. Действительно, что еще делать? Бернارد Шоу, старый козел, почти до ста лет доволочился... И ни о чем, кроме баб, не говорил и не писал.

– Не слышал о таком, – сказал Эйсейбио завистливо. – Но пример достоин восхваления. Так что учитесь, маркиз! Запоминайте первое правило, чем мы отличаемся: мужчина слушает ушами, женщина – глазами. Мы – чтобы понять, что нам говорят, женщина – чтобы понравиться тому, кто с ней говорит.

К нам подошли Водемон и Гаррос, слушали, похохатывали, а когда граф закончил, Гаррос сказал ревниво:

– Маркиз, маркиз! Не слушайте сэра Эйсейбио! Он ничего не смыслит в женщинах. Дамам из общества он предлагает деньги, продажным девкам посвящает стихи...

– И, что самое удивительное, – вставил Водемон язвительно, – всегда имеет успех.

Гаррос скривился.

– Это и удивляет. Хотя я зарекся удивляться. Правда, поэты воспевают достойное удивления, а не доверия...

– А я всегда удивляю сам себя, – заявил Водемон. Он оглянулся на приближающуюся леди Элизабет с ее свитой, договорил с поклоном: – Это единственное, ради чего стоит жить. Если не считать, конечно, внимания леди Элизабет.

Леди Элизабет победно улыбалась, встреченная очередным комплиментом. Ее прекрасные глаза, что вроде бы должны просто таращиться в прекрасную даль, давая всем возможность любоваться и восхищаться ими, тем не менее быстро и цепко оглядели меня с головы до ног.

Я поцеловал ей руку, не попытавшись задержать пальцы чуть дольше положенного или сделать вид, что собираюсь пойти с поцелуями по руке вверх и дальше, дальше, отступил на шаг со скромным видом провинциала. Скромным, но не стеснительным, стеснение – признак тонкой организации.

– У вас нездешнее сложение, маркиз, – заметила она дразнящим тоном. – Вы в самом деле какой-то медведистый!

Лорд Шуй подобострастно хохотнул.

– Вы мне льстите, – ответил я.

Она вскинула брови.

– Вы это приняли как комплимент?

Лорд Шуй снова хохотнул, а Гаррос растянул губы в ядовитой усмешке.

– Конечно, – ответил я. – Медведь не зря на гербе вашего дома. Разве павлины были бы лучше?

Она покосилась на разряженных лордов, на Гарроса и Эйсейбио, перевела взгляд на себя. Теперь ее глаза стали сердитыми.

– Боюсь, маркиз, медведей уже не осталось в наших краях. Это все в прошлом.

Я покачал головой.

– Но я здесь.

Она сказала саркастически:

– Вы – прошлое!

– Я хорошее прошлое, – ответил я грустно.

Она победно усмехнулась и прошла мимо, окинув меня взглядом свысока. И хотя я почтительно склонился в поклоне, но почувдилось, что ей для такого взгляда пришлось при-
встать на цыпочки.

Граф Цурский, которого я заметил как приехавшего на самых красивых конях, и здесь не очень-то по бабам: на заднем дворе упражняется с учителем фехтования. Звон шпага, выкрики, тяжелое дыхание, частый стук подошв по земле, красивые взмахи и прыжки, изящные позы, обязательные героические реплики... нет, время героев ушло, от реплик теперь требуется лишь остроумие, эффектное и яркое, как позолота на свиной коже. Хорошо еще, если в них есть подтекст, двойной смысл, это свидетельствует о мощном уме того, кто их произносит... Или хотя бы о хорошей памяти.

Я понаблюдал за обоими, налицо явный прогресс в воинском искусстве, если сравнивать с рыцарскими поединками. Здесь больше на скорости, чем на силе удара. Мое преимущество уменьшается, хотя, конечно, у меня рефлексy все еще развитее, двигаюсь быстрее хотя бы за счет того, что человечество за века стало не только выше и тяжелее, но и быстрее, смышленнее, время реакции сократилось в разы.

Фехтование только зарождается, а я могу сказать, как и куда разовьется, как умрет и когда обретет вторую жизнь уже как спорт. А там голая продуктивность, никаких эффектных поз, прыжков, выкриков, подпрыгиваний... Только вытянутая в сторону противника шпага и концентрация воли на том, чтобы успеть ударить быстрее, чем противник.

Надеюсь, пробормотал я про себя мрачно, у меня будет какое-то преимущество. Я быстрее за счет рефлексов, потому рассчитываю не на удачу, а на успех. И вообще пора сматываться.

Хотя на Севере еще зима, и все замерло под снегом, но и здесь мне, похоже, делать нечего... На сердце одно тягостное разочарование, не таким я представлял грозный и таинственный Юг.

Граф увидел, что за ним наблюдают, я перехватил гримасу неудовольствия. Через минуту он остановился, вытирая мокрый лоб и тяжело дыша.

Я осторожно приблизился с вежливейшим поклоном.

– Дорогой лорд, я просто в восторге, насколько истинно по-мужски вы проводите время! Что женщины? Куда они без нас денутся?.. А вот в искусстве владения шпагой можно и опоздать...

Он посмотрел на меня уже без неприязненности.

– Вообще-то редко когда услышишь такие разумные слова, маркиз. Все сразу начинают... А я давно усвоил, что мужчины, которые относятся к женщинам с наибольшим почтением, редко пользуются у них наибольшим успехом.

Я восхитился:

– Как точно сказано! И как образно!

Он продолжал довольно:

– Успех у женщин имеет лишь тот, кто может без них обойтись.

– Великолепно, – прошептал я с благоговением, – вот истинно золотые слова! Вы могли бы вполне стать самым знаменитым острословом в их обществе, но вы предпочитаете блистать своим отсутствием!

– Блистать своим отсутствием, – повторил он задумчиво. – Да, это надо запомнить. Сильно.

– О вас говорят женщины, – продолжал я, – говорят гораздо чаще, чем о тех, кто постоянно вьется в их обществе. Вот что значит быть настоящим мужчиной! А настоящего можно узнать в первую очередь по его отношению к лошадям. Ибо первым делом, первым делом – кони, ну а женщины, а женщины – потом!.. Граф, я видел, на каких чудесных скакунах вы прибыли! Просто дивное зрелище!

Он самодовольно рассмеялся:

– Ах, маркиз, вы мне льстите! Кстати, здесь уже пролетел слухок, что вы оставили общество благосклонных к вам дам ради того, чтобы посмотреть на моих коней. Это правда?

– Правда, – ответил я искренне. – Быстро же здесь слухи расходятся! А так все верно: что женщины? Они все одинаковы. А вот кони...

Он засмеялся громче.

– Вы правы. Я подарю вам одного.

– Лорд, – воскликнул я воспламененно. – Я как раз собрался просить вас продать...

Он отмахнулся.

– Пустяки. Вы такое удовольствие доставили мне, а двор об этом будет говорить еще долго, так что это я вам обязан. Не отказывайтесь, маркиз!

– Я растроган, – сказал я и ощутил, что в самом деле растроган. – Я ваш должник, лорд.

Он отмахнулся.

– Если хотите, пойдемте прямо сейчас выберем. У меня всегда с собой лучшие в королевстве кони. В самом деле, кто-то бахвалится женщинами, кто-то бриллиантами, но разве все это можно сравнить с конями?

Я поклонился.

– Лорд, да я...

Во дворе раздался многоголосый крик. Все указывали в небо, а там в нашу сторону плывет, снижаясь, огромная платформа. С боков свисают длинные красные полотнища, донеслись серебристые звуки фанфар. Платформа быстро вырастала в размерах, мне чудилось, что с такой массой инерция пронесет мимо, однако воздушный корабль сбросил скорость, когда до странной башни со ступеньками осталось расстояние в два его корпуса.

Глава 7

Сердце мое стукнуло радостно, платформа подошла вплотную к вершине башни, замерла. Через низкий барьер на ровную площадку странного перрона хлынули ярко одетые люди.

Лорд Цурский открыл в удивлении рот.

– Король! Что за привычка являться неожиданно!..

– Король? – повторил я. – Что-то случилось?

Он отмахнулся.

– В нашем королевстве никогда ничего не случается! Герцог Людвиг – брат Его Величества, с которым у него все еще дружба, как ни удивительно. Сэр Ричард, я бегу переодеваться. Советую и вам... хотя вы, правда, вполне, это я малость вспотел с этими экзерсисами.

Он торопливо удалился. Празднично разукрашенная платформа бесшумно отделилась от башни, что вовсе не гигантский жертвенник для заклания бедных ацтеков, как чудилось все время, а обычный перрон. Я видел, как оставшиеся там люди зачем-то поспешно убирают свисающие красные полотнища.

Уже с блестящими металлом голыми боками воздушный корабль ушел, набирая скорость, а из парадных ворот дворца выбежали пышно одетые в красное и зеленое молодые парни с длинными серебряными трубами в руках, ветерок с азартом, как молодой щенок, треплет прикрепленные к трубам красные полотнища.

Трубачи выстроились по обе стороны лестницы, ведущей на башню-пирамиду, красивые и надменные, осознающие свою исключительность. Чуть позже появился герцог Людвиг. Он ступал тяжело и величественно, лицо спокойное и будничное. По взмаху его руки трубачи поднесли к губам мундштуки труб и вскинули раструбами под углом в девяносто градусов.

Воздух прорезали чистые серебряные звуки, сердце встрепенулось в радостном ожидании.

– Его Величество, – прокричал герольд, выпячивая грудь и привставая на носки, – король Хенриг Первый! С благородной супругой Адельгейдой фон Брауншвейг-Люнебург!

В толпе заорали ликующе, в воздух полетели шапки, словно народ до этого еще не был уверен в прибытии именно короля. Первыми по лестнице сбежали около сотни бравых стражей в доспехах и с блестящими алебардами в руках, следом достаточно быстро спустилась празднично одетая толпа.

Короля я узнал сразу, хотя если бы не корона и прочие знаки власти, не обратил бы внимания. Рядом высокая женщина с высокой прической, тщательно укрытой золотым платком, лицо строгое и надменное, сразу видно, что королева, в то время как король показался довольно простецким мужиком.

Во дворе шум и суета, все сбиваются с ног, но я заметил, что при всей кажущейся неразберихе рядом со стражами герцога сразу появились и люди короля: рослые, крупные, закованные в лучшие из доспехов. На стенах расположились арбалетчики в цветах короля. На стенах и на башнях заблестели металлическими частями взведенные к бою арбалеты.

Я огляделся, все правильно, перекрыты все пути, ни один сантиметр не останется в мертвой зоне, куда нельзя всадить два-три болта. И еще везде эти раздражающие меня фигуры в длиннополых темных плащах с надвинутыми на лица капюшонами. Как будто для охраняющих королевскую особу так уж важно оставаться неузнанными.

Кстати, если это маги, то как насчет того, что маги служат только магам постарше?

Все загадки нужно стараться разрешить как можно быстрее, иначе сильно осложнят жизнь: я увидел спешащего Эйсейбио, схватил за рукав.

– Дорогой граф, это маги?

Он удивился еще до того, как увидел, на кого нацелен мой указующий перст.

– Маги? Откуда здесь маги?.. Ах, это... Нет, это телохранители. Только не мечами, эти люди обучены амулетству.

– Это как?

– Пользоваться.

– А... вы, к примеру?

– Они умеют пользоваться быстро, – ответил он коротко.

Люди в темных плащах, двигаясь бесшумно и стараясь держаться понезаметнее, распределялись как в толпе, так и в ключевых местах, откуда могут появиться новые гости.

Графа Цурского не могу найти, по всему дворцу герцога кипит радостная суматоха и метушня. В честь прибытия короля, конечно же, объявлен большой пир, а затем обещан бал-маскарад. С королем прибыли свои повара, слуги, челядь, устроители быта, вместе с герцожими ринулись жарить, печь, варить, а также накрывать столы и готовить программу для взвешения монарших особ.

На балконах внутри зала красочно одетые музыканты, держа наготове трубы и струнные инструменты, поглядывали через перила в сторону устанавливаемого королевского трона, между ними суетился человек из королевской свиты, взволнованно взмахивал руками и хватался за голову.

Эйсейбио отыскал меня, когда я пробирался к выходу.

– Маркиз, вы куда?

– Да я собирался уже в путь, – объяснил я.

– И не останетесь на королевский званый ужин? – изумился он. – Такого я даже представить не могу...

– Что делать, – ответил я. – Ну урод я, урод...

Он все еще держал меня за рукав, в глазах появилось новое выражение, он всматривался в меня со странным интересом.

– Ну нет, не отпущу, – сказал он с веселой настойчивостью. – Впервые вижу человека, который спокойно может уйти с королевского пира! А сколько мечтают на него попасть?

– Я им уступлю свое место, – сказал я.

– Ну нет, – повторил он. – Меня дед сожрет, когда узнает, что мог задержать вас и не задержал. Вы его заинтересовали, дорогой маркиз. Очень заинтересовали.

– Чем? – спросил я без особого интереса. – Кстати, дорогой граф, поделитесь секретом...

– Каким?

– Как вы так быстро трезвеете?

Он вздохнул.

– Ввиду чрезвычайных обстоятельств пришлось использовать амулет, хотя ненавижу быть трезвым!

– А-а-а... везде эти амулеты. Так чем я интересен благородному герцогу, который навиделся людей на своем веку по самое не могу?

– Он уверен, что вы не тот, – объяснил он, глядя мне в лицо, – за кого себя выдаете. Уж извините, маркиз.

– Ого, – сказал я. – Но все равно, раз уезжаю, со мной никаких проблем уже не будет.

– Но все же оставайтесь, – посоветовал он настойчиво. – Вы путешественник, вам это должно быть интересно. И моя прекрасная тетя обидится...

Я кивнул на его огромную пуделиную голову.

– У вас парик сдвинулся.

– В самом деле? – спросил Эйсейбио испуганно. – Это ужасно! Это катастрофа... Маркиз, я оставляю вас, мне срочно в туалетную комнату. Пойдемте, вам тоже стоит попудрить нос.

– Не дамся, – сказал я твердо.

Туалетная комната оказалась небольшим роскошным залом, разделенным перегородками на части, везде зеркала во всю стену, роскошные посудины для мытья рук, столы на резных ножках, с десятков кресел с высокими спинками, на столе подсвечники, ларчики, шкатулки и, у меня сердце забилось учащенно – толстенный фолиант, богато украшенный золотом.

Я не сразу понял, что меня так потрянуло, потом сообразил, это первая книга за все время, что я на Юге вообще. Книга роскошная: обложка из красного дерева, в уголках блестят мелкие рубины, название написано настолько вычурно и витиевато. Я поспешно поднял обложку. На титульной странице надпись уже проще и строже, я торопливо, хоть и с недоумением прочел: «Реестр о мушках. Пособие о способах нанесения мушек, их видах, особенностях и тайных знаках...»

Ни фиги не поняв, я перевернул десятка два страниц, там еще осталось около тысячи, прочел на открытом месте:

«...символическое значение имеет место, куда сажают мушку. На языке мушек, если их расположить в середине лба, то дама сообщает о своей неприступности,

в уголке рта – «сегодня я добра»,
под нижней губой – говорит о скромности,
над верхней губой – сообщает о кокетливости,
в складочке улыбки – легкомыслие,
на виске у левого глаза – признание в страстности,
на виске у правого глаза – «я склонна вас немного потираниить»,
на подбородке – «люблю, но его нет здесь»;
на середине щеки – я любезна;
а если чуть выше – «я согласна»;
под носом – «мы должны расстаться»;
в уголке рта, а вторая на щеке – «если не пугают месячные»
две рядом на подбородке – «и анал»;

две, расположенные вертикально: размер верхней или нижней мушки указывает на некоторое предпочтение дамы в любовных утехах.

Запас мушек надлежит иметь каждой даме не только дома, но на приемах, карнавалах, а особенно на балу, где много кавалеров. Для этого нужно заказать у хорошего мастера коробочку, украсить ее золотом и драгоценностями, дабы не стыдно вытащить на людях, и где-нибудь в уголке или в туалетной комнате быстро снять одну и прилепить другую».

В недоумении, еще не врубившись, я перевернул сразу страниц сто, впился взглядом в текст и узнал, что мушки делают из черного бархата, муара, тафты, их вырезают не только в виде кружочков, сердечек или звездочек, но даже как фигурки птиц, зверей, цветы и красивых дворцов.

Хрень какая-то, мелькнула растерянная мысль. Единственная книга, которую увидел за все время, и такое вот... ценное. Конечно, я тоже знал страну, где журналы по косметике выходят миллионными тиражами на прекрасной бумаге и с фотографиями, какими не удоставались картины Эрмитажа, и где на искусственные мушки тратят денег побольше, чем на программу освоения космоса, но почему-то казалось, что там дураки, а здесь все умные...

Эйсейбию не только поправил парик, но заново попудрил лицо, снял родинку со щеки и передвинул ее на лоб, я запоздало сообразил, что у внука герцога, оказывается, не настоящая.

Он оглянулся, в глазах вспыхнули веселые огоньки, подошел, в голосе прозвучало хвастовство:

– Дед говорит, это работа самого Дедея...

– Кая Симплиуса, – поправил я автоматически, тут же извинился, – простите, так написано, хотя, конечно, это могла быть более поздняя копия. Конечно же, у столь родовитого хозяина может быть только настоящий антиквариат!

Он не ответил, мне почудилось неладное, я резко обернулся, продолжая держать улыбку всем довольного человека. Он смотрел на меня с вытянувшимся лицом, в глазах страх боролся с отвращением.

– Маркиз, – пробормотал он, запинаясь, – мне почудилось... пожалуйста, разuverьте меня...

– В чем? – спросил я легко, уже догадываясь и спешно придумывая, как вывернуться.

– Мне почудилось, что вы... гм... простите за выражение... грамотны!

Я хохотнул с неловкостью, виновато развел руками.

– Да так уж получилось, сэр Эйсейбио... Я был очень деятельным ребенком, а мои родители баловали меня и недостаточно загружали настоящей работой благородного человека, упражнениями и конными скачками. Вот от избытка сил и, не зная чем себя занять, я и выучился читать и даже писать у... одного из молодых магов, что служили моему отцу.

– Как странно, – пробормотал он, лицо его стало как раскрашенная глиняная маска. С него сдуло все дружелюбие и теплоту. Теперь я видел, что граф не притворялся, когда выказывал мне расположение и дружеское участие. – Как странно... Маг на службе вашего отца?.. А кто ваш отец?

Я снова хохотнул.

– Да обычный вельможа на краю света!.. Заурядный. Можно сказать, анахорет. Не любит показываться в высший свет, старомоден...

Он остро взглянул на меня, опустил взор, подумал, я уж думал, что позовет стражу и велит меня повязать, вид был такой, но он перевел дыхание и проговорил с колебанием в голосе:

– На краю света... Анахорет? Может быть, маг был из тех, кого изгнали за прегрешения?.. А он настолько пал, что принял помощь вашего отца?.. Гм, странные обычаи в вашем маркизате...

Я сказал поспешно:

– Вы совершенно правы, сэр Эйсейбио!.. У меня голова кругом пошла, когда я убежал из этого затхлого медвежьего угла и пошел странствовать по свету!.. Мир настолько великолепен, настолько своеобразен, яростен и дерзок, что я даже не знаю!..

Он тут же подобрел, изсамодовольнился и заговорил жирным, как сорокапроцентная сметана, голосом:

– Маркиз, здесь увидите все великолепие жизни. От рождения и до конца – в довольстве и беспечной праздности! Разве это не мечта всех и каждого?

– Да, – ответил я искренне, – да. И если бы Творец не изгнал человека из рая, так бы и было.

Он чуть посерьезнел, словно я снова приблизился к некоей опасной грани, за которую переступать нельзя, произнес торжественно:

– К счастью, в последней Великой битве силы восставших ангелов одержали победу. Теперь снабжают человечество всем необходимым... а также сверх того, что необходимо! Слава великому Самаэлю!

– Слава, – пробормотал я.

– Пойдемте, – сказал он отечески. – Впереди пир, а завтра обещан бал, костюмированный праздник. Вы знаете, что такое бал?

– С трудом, – ответил я. – Это тыква, хрустальные туфельки, Сильва, ты меня не любишь, три карты... уж полночь близится, а Германа все нет...

– Ничего подобного, – заверил он. – Никто вас тыкву есть не заставит, вы все перепутали. Пойдемте!

Он открыл дверь, музыка стала громче, я шагнул вслед за Эйсейбио, но музыка почему-то оборвалась на глухой басовитой ноте. Дирижер застыл со вскинутой рукой, танцующие пары замерли, а со скользящей близко к нашей комнате леди Габриэллы слетел платок и повис в воздухе.

Глава 8

Я настороженно осматривался, а из воздуха материализовался элегантно одетый господин в пестром костюме и при бантах, моментально сорвал с головы шляпу с перьями, иронично-учтиво взмахнул ею в преувеличенно-церемонном поклоне.

– Приветствую, сэр Ричард, – сказал он весело. – Как находите Юг?

– Спасибо, сэр Самаэль, – ответил я. – Классная шляпа.

– Вы находите? – спросил он довольно. – Это я, кстати, ввел ее в моду. Люди такие, силой заставить трудно, а вот так показал и скрылся – уже на другой день появились эти штуки с перьями... Удивительный вы народ!

– Мы еще и не так удивим, – пообещал я. – А вообще-то мельчаете, сэр Самаэль. Когда-то с самим Творцом дрались!.. Вселенная содрогалась...

– Мы и сейчас деремся, – сообщил он угрюмо. – Только методы изменились.

– Ну да, – согласился я, – кроме горячей войны, бывают разновидности холодной: информационная, компроматная, ресурсная, демпинговая...

Он внимательно слушал, в черных живых глазах разгорался интерес.

– Кстати, – произнес он приятным голосом, – хочу поздравить с очень изящным и смелым ходом.

– Это о моем маркизстве?

– Да. Мне понравилось. Как находите Юг?

– Я его еще не нашел, – буркнул я. – Выводы делать рано. Одно могу сказать наверняка, я бы не назвал здешнее общество счастливым. Оно беспечно, как бабочки, но... что-то мне нравится не совсем, не совсем...

Он нахмурился, сказал уязвленно:

– Я и не утверждал, что все счастливы. Счастливой жизни вообще не бывает, бывают только счастливые дни. А то и часы. Но одно бесспорно, здесь живут богаче и зажиточнее.

– За счет чего? – спросил я напрямик.

Он поморщился.

– Я потому и зазывал так усиленно на Юг, что здесь сможете как разобраться лучше, чем все местные маги, так и что-то исправить!

Я покачал головой.

– Боюсь, это проблематично.

– Почему?

– На севере работают потому, – сказал я, – что если не трудиться – умрут с голода. В поте лица своего добывают хлеб, как и было сказано... благодаря вашей милости. А здесь, насколько я понял, почти все на халяву? Или хотя бы основное: продукты, металл... Сэр Самаэль, халявщика принудить трудиться сложно. Думаю, вообще невозможно. Одного бы еще так-сяк, но целые народы... Философия халявщиков удобна для человека и смертельна для общества.

Он хитро прищурился.

– Так уж и невозможно?

– Я же сказал, – ответил я, – это пока первые впечатления. Рад бы ошибиться. Но если летающие штуки перевозят народ, то нафиг строить дороги, мосты, вбивать по колено в грязи сваи в болота?.. Если нечто выплавляет металл и подает наверх, то зачем развивать горнорудную промышленность?.. Если увижу, как кто-то копает руду, я удивлюсь... и признаю, что не прав.

– Или скажете, что металла не хватает, – уточнил он.

– Да, или так, вы правы.

– Металла хватает, – заверил он. – Как и основного продовольствия. Народ благоденствует! Правда, сытых и довольных на свершения, вы правы, подвигнуть трудно. ...

– Как долго благоденствуют? – спросил я в лоб. – Десять лет или десять столетий?.. Если столетий, то и концентрационные лагеря вряд ли таких горбатых исправят. В одной стране эти лагеря называли трудовыми, в другой – трудовыми исправительными, в третьей так и вообще... но нигде экономику не подняли и народ к труду не приучили. Я не гуманист, могу и целую толпу в лагерь, если для дела, но это ничего не даст... Чтобы обществу и прогрессу развиваться, эта скотина должна быть свободна. Чтобы сама рубаха на себе рвала от желания работать. Вернее, от желания заработать больше, чем сосед.

Его черные как смоль брови сдвинулись у переносицы. Глаза потемнели еще больше, в них заблестал космос.

– В поте лица добывать хлеб, – повторил он задумчиво, – это же кара за то, что люди послушались меня. Разве свободные от тяжелого труда люди менее счастливы?

– Может быть, более, – согласился я, – но мне еще и прогресса хочется! Пусть даже через несправедливость. А вам? Люди такие хитрые твари, что на Севере и кару небесную поставили себе на пользу! Работают так, что жилы рвутся, тянут колесницу прогресса... А здесь? Вы не ответили, но не сильно ошибусь, если скажу, что и тысячу лет было все так же... Разве не так?

– Это ни о чем не говорит, – возразил он. – Путь к прогрессу может быть быстрым, а может – длинным. Когда слишком быстро, то можно, как вы заметили верно, и жилы надорвать. А медленно и неспешно... Но мы не о том. Я все жду, когда согласитесь принять мою помощь. Здесь, надеюсь, ваше упрямство поколеблено?

– Упорство, – поправил я.

– Упорство, – согласился он с великой охотой и улыбкой как бы поблагодарил за более точное слово, хотя, конечно, это была не оговорка, Сатана следит за своими словами и умеет выбирать выражения. – Вы увидели Юг, его мощь, его возможности. И что?

– А ничего, – ответил я хладнокровно. – Я все еще не увидел, что может заставить этих людей двигать прогресс. Его пихает только необходимость! Вы помните, стимул – это заостренная палочка, которой кололи в задницу упрямого осла. Человеку всегда нужен стимул! В том числе необходимость каждый день жрать. А еще и семью кормить. Праздность – опытное поле, на котором ваша милость испытывает семена новых грехов и выращивает укоренившиеся пороки!

Он хитро улыбнулся.

– Стоит помнить, что у Сатаны есть свои чудеса.

– А вот чудеса противопоставлены, – огрызнулся я. – Потому Творец их никогда не являет, какие бы слухи про них ни распускали! Покажи человеку чудо хоть раз в жизни – тут же работать перестанет, будет надеяться.

Он смотрел серьезно, живое подвижное лицо напряглось, на лбу проступили глубокие морщины.

– Вы преувеличиваете, – сказал он наконец.

– Намного?

– Это неважно. Вы уже созрели, чтобы принять мою помощь?

Я помотал головой.

– Пока осматриваюсь, – ответил я уклончиво, даже Сатану не стоит раздражать без необходимости. – Когда осмотрюсь... будет видно.

Он снова улыбнулся, я увидел в его глазах уверенность и торжество, что в следующий раз я уж точно скажу то, к чему он меня подталкивает.

– Оставляю вас развлекаться, – произнес он с поклоном. – Конечно, это фигура речи... Я понимаю, что ваши развлечения весьма отличаются от общепринятых!

Он исчез, мгновением позже возобновилась прерванная музыка. Люди задвигались в танце, а я закрыл дверь, Эйсейбио оглянулся.

– Действуйте, маркиз! Вы весьма фактурны, а мужчине красота дает выигрыш в две недели.

Он хохотнул и пошел среди танцующих на ту сторону зала, а я прислушался к разговору шныряющих вдоль стен неприметных слуг, что в большом зале столы уже накрыты, сейчас церемониймейстер Его Величества призовет всех занимать места для королевского пира.

Я под стеночкой пробрался через главный зал к лестнице, можно бы улизнуть в свою комнату и переждать пир, когда графа Цурского можно будет увести к коням. Или попытаться высмотреть его прямо на пиру...

Стол покрыт белой скатертью и поставлены в виде огромной квадратной скобки. Я с лестницы видел, как герцог распоряжается умело и властно, по мановению его руки тут же добавили по два стола с каждой стороны, гостей ожидается много.

Ярко одетые люди в красном, синем и зеленом занимали места за столом неспешно, с достоинством, но со смешками и шуточками. Одеты, на мой взгляд, чересчур тепло, все-таки лето, хоть только что прошел дождь, а у каждого по две-три одежды разных цветов, да еще сверху всякого рода цветные накидки.

От огромного камина идет сухой жар и, ударившись в столы, остается в их загоне. Посуда на столах из серебра и золота, даже огромные кувшины и чаши с ручками и носиками, что уже не чаши, а что-то другое, вроде соусниц, только излишне громадных, но не громоздких из-за дивной работы умельцев, украшений и рисунка.

На обеденном столе светильникам места не нашлось, все занято роскошными блюдами. Из них только целиком зажаренных оленей внесли пять штук, гости отобрали двух, мясо порезано большими ломтями, печеная рыба, на диво много фруктов...

Герцог, уже зная от Эйсейбио, что я пытался улизнуть, усадил меня рядом, что вообще-то большая честь для никому не известного маркиза из дальнего медвежьего угла.

– Я польщен, – пробормотал я. – Весьма, весьма... Любит вас Его Величество! В гости изволил...

– Короли всегда одиноки, – ответил он спокойно. – Я у него единственный брат, которому он верит.

– Старший брат?

– Да. Но я уступил ему корону. Он очень уж хотел стать королем. Очень. У него сперва были такие планы...

Я по-новому посмотрел на герцога.

– А вы?

– Я, наверное, всегда был стар, – объяснил он. – А старость – это когда уже не ждешь от жизни ничего хорошего, а она от тебя – ничего плохого... Потому мы с королем всегда дружим, как бы нас ни пытались поссорить.

– А ваш венценосный брат, – сказал я осторожно, – выглядит так, словно это он старший по возрасту... Вообще по его виду счел бы вашим батюшкой.

Герцог усмехнулся одной стороной рта.

– Корона старит.

Я поежился.

– Да уж... Это пугает.

Он посмотрел на меня остро. Губы шелохнулись, но в последний момент удержался, смолчал, и я с облегчением перевел дух.

– Нас трое братьев, – сообщил он сухо. – Самый младший вообще хотел стать магом. До сих пор, говорят, пытается... А мы с Хенрихом общаемся часто.

Он поднялся и, постучав по столу, поднял золотой кубок и провозгласил здравицу в честь короля. Все поднялись и с дружным ревом одобрения выпили стоя, а затем поспешно всаживали задницы в кресла и торопливо хватали жареное мясо, тушки птиц, отрезали куски от запеченного целиком вепря.

Между столами прыгали и кувыркались акробаты, вскакивали друг другу на плечи, а там еще и ухитрялись жонглировать облегченными булавами.

Дикарское веселье начало овладевать и мною, я глупо улыбался всем, подставляя слугам кубок, темно-красное вино лилось тонкой тягучей струей, именно такое вино люблю, все хорошо, жонглеры просто великолепны... Я всмотрелся в кувыркающихся парней, что-то не так, затем увидел, как все старательно обходят пяточок посередине их группы.

Я сосредоточился, фигуры жонглеров стали менее реальными и потеряли цвет, зато в их группе проступил восьмой, ранее незримый, в темном плаще с красным подбоем и с капюшоном на лице. Наверное, особый трюк готовят, мелькнула мысль. Что-то совсем уж удивительное, чтоб все ахнули и пасти раскрыли. Опасности не чую, а я ее теперь седалишным мозгом за километр...

Каким мозгом, мелькнула мысль, это же себя чувствую! А здесь, похоже, никого не интересую, что, конечно, обидно, но с другой стороны...

Мысль текла вяло, уже пьяненькая, Я тряхнул головой, сосредоточился. В кругу жонглирующих актеров стоит человек в плаще, если это человек, выше всех на голову, руки его, высовываясь из широких рукавов, беспрестанно вяжут в воздухе незримые узлы. Я начал чувствовать исходящую от него мощь, она пока собирается в нем, накапливается. Я со страхом представил, в какое магическое копьё превратится эта страшная сила, когда ее высвободят...

Я наклонился к герцогу, он с улыбкой слушает разглагольствующего соседа.

– Сэр Людвиг... что делать? Среди жонглеров человек, которого остальные не видят...

Он ответил с мягкой улыбкой:

– Крепкое вино у нас, маркиз?

– Да не вино, – запротестовал я. – Он скрыт, но я его рассмотрел...

Он рассмеялся, но ответил тихо, чтобы не привлекать внимания:

– Короля окружают телохранители с самыми надежными и мощными амулетами. Они в состоянии увидеть за милю все скрытое. Не беспокойтесь, маркиз!

– Телохранители-маги?

Он покачал головой.

– Не маги. Особые телохранители. Ну, как вам объяснить... Кроме обычных, обученных искусству владеть всеми видами оружия, короля сопровождают и те, кто научился очень быстро понимать, за какой амулет хвататься первым.

– Ага... и в каком случае?

– Вот-вот, вы сообразительны, маркиз.

– Стараюсь...

– Непростая задача охранять короля, – закончил он. – Защитных амулетов сотни, потому эти все в плащах. Вы поняли, вижу по вашему очень уж непридворному лицу.

Я кивнул, значит, все эти плащеносцы увешаны амулетами, как елочными игрушками. Не только на груди, пузе и руках, но, наверное, даже на голове, не зря же капюшоны раздулись, как воротники гремучих змей.

Одни артисты встали, укрепив ноги, другие запрыгнули им на плечи. Образовалась пирамида, на самой вершине полуодетая девушка подбрасывала в воздух две разноцветные булавы. За столами притихли, смотрят заинтересованно: упадет – не упадет, а невидимый человек в темном с алым медленно двинулся к центральному столу.

– Идет к королю! – зашептал я. – Что делать?

Герцог широко усмехнулся.

– Что делать, что делать... Да просто убейте его!.. Ха-ха-ха...

Я прошептал, не отрывая взгляда от человека, что уже приблизился к столу и остановился за спиной одного из королевских вельмож, что сидит напротив короля:

– Боюсь, что придется...

– Ха-ха! – сказал герцог. – Только бы не остался невидимым, как думаете?.. Кстати, его убить можно и вот этим кубком! Только опорожните разом. И даже видимые исчезнут, ха-ха!

Человек поднял руку и, держа ее над головой сидящего гостя, вперил указательный палец в короля. Я отщелкнул от пояса патрон пневмомолотка и направил его на невидимку.

Все смотрели, задрав головы, на девушку на вершине пирамиды. Мои пальцы сжались на патроне, раздался слабый щелчок, а в груди лазутчика появилась рваная дыра. Я успел вернуть патрон на пояс в момент, как все повернулись на грохот, крики и треск стола. Я находился не на прямой линии с незримником и королем, лазутчика ударило о стол, стол разломило в щепы. Одни телохранители кричали и размахивали амулетами, другие закрыли короля щитами.

Пирамида артистов рассыпалась, добавляя неразберихи. Двое королевских людей ловко перепрыгнули через обломки стола, я видел, как склонились над чем-то невидимым. Тело незримника бессильно распласталось на полу среди разбитой посуды и остатков еды.

Герцог вскричал в отчаянии:

– Маркиз! Что вы наделали!

– Слуги короля уже поняли, – ответил я и, перепрыгнув стол, бросился к распластанному незримнику.

Один из плащеносцев крикнул мне яростно:

– Где он?

Я вытащил меч из ножен и упер в неподвижное тело.

– Вот.

Плащеносец тут же начал вязать в воздухе магические сети. Двое все еще ползали и всматривались в расписные плиты. Теперь все рассмотрели медленно проступающую зловещую зеленую лужу. Актеров стража вытеснила из зала, за дверьми слышались их отчаянные крики. Гости уже выскочили из-за столов и стояли под стенами, бледные и дрожащие.

Тело незримника начало проступать как будто вылепленная из тумана фигура.

Один из королевских плащеносцев вскрикнул:

– Это же Бесшумный Людофинг!.. Ваше Величество, теперь мы узнаем, чем он пользовался!

Телохранители отступили по знаку короля, он перевел дыхание и сказал саркастически:

– Я тоже бываю вот таким же умным. Потом!

Плащеносец сказал умоляюще:

– Ваше Величество!.. Это что-то совершенно новое! Такого заклятия не существовало.

Я осторожно, стараясь не делать резких движений, вложил меч в ножны, а то арбалетчики взяли меня на прицел, слишком близко я к королю.

Герцог подбежал и обхватил короля обеими руками.

– Ох, как я перетрясся!

Король взглянул на меня из-под насупленных бровей.

– Это твой молодчик?

– Мой гость, – уточнил герцог. – Я велел ему убить эту сволочь, но я не думал... гм... что это реально!

Король снова посмотрел на меня, затем хлопнул брата по плечу.

– Второй раз спасаешь меня. И оба раза вроде бы нечаянно. Наверное, что-то в тебе есть эдакое.

Они обнялись, король остро взглянул на меня.

– Маркиз, говоришь?.. Сейчас мы заняты, но вечером загляни ко мне.

Глава 9

Двор гудел, на транспортнике прибыла еще сотня отборных воинов и целая толпа плащеносцев. Правление перешло в руки старшего королевского специалиста по амулетам. Как я понял, искали следы убитого, стараясь выяснить, кто послал и что велел еще. Тело убитого заперли в отдельной комнате и поставили у двери королевскую стражу. Допускали внутрь только плащеносцев короля, но, как я понял, удалось понять только то, что я его убил мгновенно: перебив хребет и размозжив все внутренности.

Плащеносцы хмурились, неодобрительно качали головами, но в то же время признавали, что запоздай я хоть на мгновение, король был бы убит. Герцог то сам подходил ко мне и бросался обнимать со слезами благодарности, то вызывал к себе и настойчиво спрашивал, чем может отблагодарить за спасение брата.

Красавица Элизабет покусывала губы, стараясь, чтобы они стали еще краснее и пухлее, улыбалась вельможам королевской свиты, и вскоре они все уже ходили за ней, как гуси на водопой.

Я потащился в свою комнату, медленно и с отстраненно-задумчивым видом. Придворные провожали почтительно-боязливыми взглядами. Я криво улыбался, но старался смотреть прямо перед собой, чтобы не отвечать на поклоны. Вдруг кланяется какая-то сволочь, а я отвечаю нечаянно и тем самым ее как бы легализую и что-то да нарушу в сложившейся здесь иерархии отношений.

Здесь все в равновесии между кланами, фракциями и группами, а в моем лице вломился неожиданный и не предсказанный местными аналитиками фактор.

А может, не дожидаться вызова от короля, а отыскать лорда Цурского и напомнить насчет его коней? Сейчас, когда мой рейтинг неожиданно поднялся, думаю, еще охотнее уступит мне приличного скакуна.

Может быть, даже платить не придется, это неприлично – брать деньги со спасителя его сюзерена...

Из соседнего зала выдвинулась пестрая группа молодых дворян, во главе леди Элизабет. Она сразу же замахала мне рукой.

– Маркиз!.. Маркиз, подите сюда!

И хотя вроде бы герой, но перед капризами красивых женщин покорно склоняются даже короли, я вздохнул, но радостно заулыбался и пошел к этим цветам жизни, а что не все цветы дают плод, а большинство остается пустоцветами...

Она посмотрела на меня большими блестящими глазами. Я поклонился и заговорил деревянным голосом, загибая пальцы:

– Леди Элизабет... Ах, леди Элизабет! Какая вы сегодня особенно замечательная!.. Какое на вас чудесное голубое платье, что так идет к вашим глазам!.. Какая у вас бесподобная талия, а как очаровательна улыбка! Аромат вашей кожи сводит всех нас с ума, ваши нежные руки просто восхитительны и божественны... Они подобны лепесткам роз, они так же гибки, чувственны. Вы самая безукоризненная девушка на свете, леди Элизабет!

Она прошептала восторженно:

– Ох, маркиз, вы, оказывается, еще и комплименты говорить умеете!

– Ну да, – сказал я, – чего я только не умею. Вот только ежей бить не научился.

Она сказала с ликованием:

– Я так вам благодарна, так благодарна за спасение моего любимого дяди!

Я отмахнулся.

– Да фигня все. Мне самому было интересно влупить гада в спину. Представляете, всегда лицом к лицу, а тут... в спину! Это не я виноват, действовала перемена климата и прочей

географии. Такое гаденькое удовольствие, будто насрал у кого-то под дверь и смотрю, как то один, то другой вступает надушенными туфлями!

Она смотрела озадаченно, у меня простое и бесхитростное выражение, я сама искренность, в глазах святая наивность, и если брякаю что, то понятно же, что не с целью, а именно по своей медвежистой чистоте и лесной непорочности.

– Ах, маркиз, у вас такое образное мышление...

– Я такой, – согласился я. – Образный! А главное – мыслитель. Такое иногда намыслию...

Ее свита смотрела на меня с неуверенностью. Только что определили меня в неотесанную деревенщину, которая ни в чем не соперник, а тут вдруг я резко меняю статус.

Граф Гаррос прокашлялся и сказал излишне оживленно:

– Маркиз, а вы в своих путешествиях не проходили через королевство Янгмании? Говорят, там живет ужасающе примитивное племя! Поклоняются девушкам, находя в их невинности некий шарм... а вот мы, передовой народ, лишь замужним женщинам посвящаем стихи и оды! Только они интересны, ибо являются куда более запретным плодом, по дороге к которому нужно преодолеть больше препятствий, в том числе и обмануть ревнивого мужа...

Эйсейбио с готовностью хохотнул, переходя на привычную стезю:

– Ну, не только замужним, не только... Большинство придворных дам еще не замужем, но уже побывали любовницами того или другого! Или, как леди Мианьи, у которой три любовника...

Гаррос скабрёзно улыбнулся.

– Я ее имел в виду, сэр Эйсейбио. Просто нарочито неточно выразился, чтобы посмотреть на реакцию маркиза.

Лорды Водемон и Шуй, будучи поумнее, посматривали на меня с настороженностью и опаской, не спеша погрузиться в привычный треп о бабах и средствах их обольщения. Я не салонный человек, видели и раньше, но тогда можно было с этим не считаться.

Гаррос же, соскользнув на привычность, где он как рыба в воде, заявил громко и победно:

– Я люблю мужчин с будущим, а женщин – с прошлым! Девственницы пресны и скучны. Они интересны разве что где-нибудь в медвежьем краю.

Я посмотрел на них ничего не выражающим взглядом и, сделав вид, что меня это не касается, подошел к окну. Огромный сад внизу не просто заполнен, а чуть ли не забит до отказа. Народу как муравьев – помимо прибывшей с королем толпы еще и свои понабежали со всех сторон, потереться о короля и его придворных, узнать последние важные новости: кто с кем спит, чья жена с кем изменила, чья готова изменить, а чью склоняют к измене, кто склоняет, как склоняет...

Сколько мозгов пропадает, подумал я угрюмо. Могли бы учиться, развивать науку, искусство, так нет же: занятие для неблагородных! Разве дворянин унижится до того, чтобы познавать тайны природы, рисовать или смотреть в телескоп на небо?

Да что там науки... Дворянин даже грамоте не учится, это дело для простого люда. Впрочем, в этом мире свои особенности: здесь даже простолюдин не имеет права учиться читать и писать, оставаясь тем, кем был. Хочешь учиться грамоте – ступай в маги. Там с тебя сперва возьмут подписку о неразглашении, а потом уже давай овладевай знаниями. Вернее, учись читать, что написано в уцелевших книгах, инструкциях, косметических рецептах и прочем спае...

За спиной послышался щебечущий голос:

– Маркиз, вы слишком долго делаете вид, что вам с нами неинтересно! Мы могли бы уйти за это время.

Я чуть повернул голову. Леди Элизабет смотрит победно, в глазах ирония, мол, поймала, на красиво очерченных губах играет улыбка.

– Но вы же не ушли?

Она нахмурилась.

– Полагаете, вы этим выиграли? Ошибаетесь!

Она резко повернулась, я слышал, как застучали, удаляясь, ее каблучки. Голоса ее свиты тоже затихли синхронно, а я, получив таким не совсем учтивым образом освобождение от уз светскости, отправился в свою комнату.

Стражи в коридоре встретили меня улыбками, один даже поприветствовал, стукнув тупым концом копья в пол. Я прикрыл за собой дверь, повалился на ложе и закинул руки за голову.

Юг разочаровал, это бесспорно. Не знаю, что я ждал, но это должно было быть нечто ужасающе мрачное, грозное, всеобъемлющее. Я должен был сжаться в диком страхе, как кошка под ступней слона, а не разваливаться, словно лакей на кровати уехавшего на охоту барина...

Раздался стук в дверь, я сказал громко:

– Открыто!

В дверях появился высокий и роскошнейший бюст, а следом за ним вошла леди Габриэлла. Приподнятость и подпертость корсетом не дает бюсту колыхаться и даже подрагивать, что так привлекает внимание, потому от бюста леди Габриэллы ни один мужчина не способен оторвать взгляда.

Я поспешно встал, мои глаза, как намагниченные, повернуты в сторону этого поднятого почти под подбородок чуда сексапильности. Леди Габриэлла покровительственно улыбнулась, женщины – чуткий народ, наверняка ощущает мой взгляд, как ошупывающие руки, вон глазки заблестели и щеки зарумянились еще больше.

– Маркиз, – проговорила она сочным голосом и придвинулась, почти касаясь меня грудью, – простите, что подняла вас с ложа, вы так красиво отдыхали после ваших трудов...

– Может, приляжем вместе, – предложил я.

Она довольно улыбнулась.

– Ах, маркиз, я тоже не люблю долгих прелюдий, но все-таки мы не в ритуале Спасения. Я зашла вас поздравить.

– Спасибо.

– Вы победили! Вы победили!

– Да, – ответил я скромно, – вообще-то получилось неплохо. Этот гад даже не копыхнулся.

Она заулыбалась хитро.

– Маркиз, я о другой победе, более важной!..

– Это о какой же? – спросил я опасливо.

– Теперь-то леди Элизабет обратит на вас внимание!.. О вас заговорили, начали спрашивать, кто этот молодой человек. Особенно женщины. Мужчины, естественно, заинтересовались тоже. Им всех соперников надлежит знать не только в лицо, но и все их слабости.

Я отмахнулся.

– Я весь из слабостей. Нет, я верен старому принципу: чем меньше женщину мы любим, тем больше денег в кошельке.

– Чем меньше женщину мы любим, – возразила она наставительно, – тем крепче вырастут рога!

– Это мне, к счастью, не грозит, – ответил я. – Я человек простой, медвежий, медвежий. Все эти «чем меньше женщину мы больше, тем больше меньше она нас...» для меня слишком сложно.

Она посмотрела на меня намекающе.

– Маркиз, здесь все предпочитают тонкую и сложную игру.

Я взглянул ей прямо в глаза.

– И вы?

Она хитренько улыбкунулась.

– Для некоторых могу сделать исключение. В некоторых случаях.

– Вы просто выдающаяся женщина, – воскликнул я. – Всегда надо дифференцировать подход к разным особям. Даже одного и того же самцового пола. Я ж говорю, можете начинать насиловать меня прямо щас! Уверяю, ну совсем почти не стану отбиваться.

Она оглянулась по сторонам и ответила почти серьезно:

– Сейчас не могу, увы.

– Жаль, – вздохнул я. – Ну ладно, я пошел.

– К леди Элизабет?

– Ну а как же, – ответил я. – Надо это... ковать, пока горячо.

Она сказала мне наставительно:

– Настоящий мужчина узнается по женщине. Тот, кто завоеует леди Элизабет, прославится на все королевство... Вот это будет и слава, и признание!

Я принял потрясенный вид, показывая, что мне как раз не хватает обвешаться бабами, как охотник утками. Прямо жажду обольщать и завоевывать баб-с, ну прямо смысл жизни в этом. Словно я так и остался в своем тинейджерстве.

Мне милостиво дали поцеловать руку, я приложился, уловив особый аромат, словно бы леди Габриэлла только что со вкусом чесала промежность, при сахарном диабете там чешется постоянно.

Она пошла к двери, я смотрел вслед, так принято, а леди Габриэлла, почуяв мой взгляд, оглянувшись и, чарующе улыбнувшись, еще сильнее раскачала пухлую задницу. Идиотки, тут же подумал я, не такие уж идиотки, какими кажутся. Идиоты вроде Водемона и Шуя – совсем другое дело...

Я хотел было снова лечь, но взял себя за горло и напомнил, что я на Юге, долгожданном Юге, куда так стремился, дурак. Разочаровал он или нет, но здесь в самом деле сохранились древние технологии. Некоторые все еще работают в автоматическом режиме. А я тот орел, что и неработающие может запустить, если повезет и окажется в нужное время в нужном месте.

Надев на морду улыбку, я вышел в общество, надо слушать разговоры, общаться, вылавливать крупинки информации, чтобы понять этот мир.

Во дворце стараниями распорядителей и устроителей пир продолжился как ни в чем не бывало, а затем начались танцы. Я мало что узнал от этих элоев, прямо птички небесные, крылышками бяк-бяк-бяк, а хуже того, так и не отыскал графа Цурского.

Расстроенный, потащился в свою комнату и завалился на ложе, не раздеваясь. Ближе к вечеру в дверь постучали. Я сказал «войдите», через порог переступил пышно одетый человек в коротком парике и почти без свисающих пуделиных ушей, весь в шелках и бархате, низко поклонился и помахал над сапогами шляпой.

Лицо его оставалось неподвижным, но острые глаза быстро оглядели меня с головы до ног, взвесили, оценили, привесили бирочку, и только тогда он сказал очень любезно:

– Барон фон Эльрих. Служу Его Величеству. Предваряя вопрос кем, сообщаю – просто на побегушках.

– Ну и как? – поинтересовался я.

– Теперь у меня толстые ляжки, – сообщил он самодовольно.

– Это важно, – согласился я. – И далеко вас посылают?

Он коротко усмехнулся.

– Далеко. Вы даже не представляете, как далеко может послать Его Величество, особенно ежели в монаршем гневе. Но сейчас мне повезло... Мне приказано всего лишь пригласить вас к Его Величеству на аудиенцию.

– Это повезло?

– Вы не слышали предыдущие повеления Его Величества!

– Настоящий король, – пробормотал я. – Впрочем, народу нравится сильная власть. Бьет – значит любит.

– Вам нужно переодеться?

Это прозвучало как вопрос, а не пожелание, потому я ответил с исключительной любезностью:

– Во что бы я ни переоделся, для Его Величества, всецело поглощенного заботами о благе его подданных, это несущественно... как я полагаю. Потому не буду морочить голову всякой хреню насчет бантов, эта одежка меня вполне устраивает.

Он усмехнулся одними уголками глаз, понял, отвесил поклон.

– Тогда прямо сейчас?

– Да, – ответил я. – На всякий случай добавлю, что я польщен и даже местами беспредельно счастлив! Хотя я и не подданный Его Величества, но буду счастлив и вообще... ну, вы поняли.

Он улыбнулся.

– Все прекрасно понял, сэр...

– Сэр Ричард.

– Сэр Ричард, прошу вас любезно следовать за мной.

Он еще раз поклонился и, отойдя от двери в сторонку, ждал. Типичный царедворец, но лицо умное, глаза веселые и с некоторой хитринкой. Когда я вышел в коридор, он повел меня через комнаты, на ходу поинтересовался, как это я сумел сделать то, что не смогли обученные плащеносцы, я скромно ответил, что я вообще-то везучий, уже и на Кубикусе заметили.

Он не стал выяснять, где это королевство, шел прямой и несколько настороженный, хотя теперь в этом крыле здания стражи только в одеждах королевских цветов. Охраны здесь не меньше, чем бесцельно слоняющихся придворных, я чувствовал пристальное и далеко не всегда дружелюбное внимание.

Глава 10

Перед покоями, которые занял король, стражи отступили от двери еще до того, как Эльрих сделал повелительный жест дланью. Он сам распахнул передо мной створки. Король, уже в толстом халате, расположился в глубоком кресле, перед ним низкий столик с тонкостенными фужерами, ваза с виноградными кистями и сладостями.

Я поклонился еще от двери, он помахал мне рукой.

– Садитесь, сэра... сэра...

– Маркиз Ричард, – подсказал барон фон Эльрих.

– Маркиз Ричард, – повторил король. – Вы спасли мою старую шкуру, а она мне по разным причинам все еще нужна. Так что моя благодарность не имеет границ... ну, почти, почти.

Я сел, король рассматривал меня с любопытством, я рассматривал его вежливо, но без подобострастия, мол, я не его подданный.

Король смотрел на меня испытующе, ничуть не скрывая, что рассматривает, как нечто диковинное. Я держался спокойно и смотрел на него в свою очередь с добродушным любопытством, как человек из глубинки смотрит на своего племенного вождя, где король – всего лишь старший из нас, отец народа и племени, хоть бывает строг, но справедлив всегда.

– Угощайтесь, – предложил король. – Вина?

– Спасибо, Ваше Величество.

– «Спасибо» – это да или нет?

– С вашего любезного позволения, – ответил я витиевато, – нет, ибо я уже опьянен присутствием великого монарха, это шибает в голову, как крепчайшее вино!

– Ого, – сказал он иронически, – вы впервые увидели меня и уже поняли, что я великий монарх?

– Ну да, – ответил я уверенно и нагло посмотрел ему в глаза. – А как же?

– По каким признакам? – полюбопытствовал он.

– А покушение? – напомнил я. – Будь вы ничтожеством, на хрен вас убивать, вы и так навредите королевству больше, чем вражеская армия. А пытаются убить – значит уважают.

Он слегка опешил, потом подумал, быстро зыркая на меня из-под мясистых толстых век с красными прожилками. Покосился на барона Эльриха, тот сидит в сторонке, изображая статую.

– Ну как тебе этот молодчик?

– Интересный экземпляр, – ответил барон негромко.

– Что посоветуешь?

– Вы мудрый король, – ответил барон уклончиво, – лучше нас всех знаете...

Король хмыкнул.

– Увильнул... Значит, тоже сбит с толку. Ладно, оставим. Сэр Ричард, как вам удалось увидеть то, что не смогли мои слуги?

В его старческих глазах вновь появились подозрительность и недоверие. Я сказал осторожно:

– Люди разные, Ваше Величество. Слепые, к примеру, слышат куда лучше зрячих. Возможно, в чем-то я совершенно слеп. Я уже заметил, что в вашем королевстве совсем не так, как в том, из которого я вышел...

Он отмахнулся.

– Да, в каждом что-то иначе. А то и много. Вот в Ямгерде вообще никто ничего не делает, маги создают все готовое. Но мало таких орлов, что смогли пробраться так далеко, как вы.

Барон вставил почтительно:

– Не пользуйся багерами!

– Да-да, – согласился король. – На багере его бы давно сняли. И где-нибудь оставили. Кстати, что вас побудило так бездумно спасать мою шкуру? Кроме моей понятной благодарности, вы навлекаете на себя чье-то неудовольствие... вы это поняли?

Я ответил с поклоном:

– Вы гость герцога Людвиг, который очень хорошо отнесся ко мне. А также его родственник... А к неудовольствиям и неудобствам я уже привык. Завтра я уйду дальше.

Он буркнул:

– Положим, это он мой родственник, а не я его, но... неважно. Но все-таки, как сволочи отыскивали способ сделать незримым человека даже для моих людей? Даже мои телохранители, на что уж обучены всему, но и они... Может быть, у вас какой-то особый дар?

Я пожал плечами.

– Да просто как-то случайно. Видимо, он меня не увидел, когда укрывался от всех. И не наложил заклятия.

Он пожевал губами, взгляд исподлобья, явно не верит, поморщился и сказал уже другом тоном:

– Не хотите войти в число моих телохранителей?

Я развел руками.

– Простите, Ваше Величество, я дворянин...

Он вскинул брови.

– Ну и что? Они почти все дворяне! Есть сынки очень знатных лордов. Это честь – охранять короля. Впрочем, мой брат уже рассказал о вашей тяге к странствиям и приключениям. Как видите, это едва не закончилось для вас плачевно... Ладно-ладно, я все понимаю насчет славной гибели в красивой схватке или под окном дамы! Не понимаете, что жить хорошо даже в мои восемьдесят... Ладно, маркиз, чем я могу вас отблагодарить?

– Вы меня оскорбляете, – ответил я с достоинством. – Как можно благодарить за то, что я и так должен был сделать? Это же естественно – прийти на помощь, если в ней нуждаются!

Он вскинул брови и долго всматривался в меня, стараясь рассмотреть, как это я так искусно брешу. Наконец покачал головой.

– Странно, не врете... Но где, где сохранился такой медвежий угол, где остались такие замшелые понятия? Не могу себе вообразить... Откуда вы, говорите?

Я постарался изобразить максимальную неловкость.

– Ваше Величество, я в самом деле из дикого края. Земли моего отца совсем крохотные, лес со всех сторон, нас никто никогда не тревожил. Возможно, мир вообще не знает о нас! Меня это тяготило, сердце жаждет подвигов, однажды я... словом, воспользовался случаем вырваться в большой мир. И я прошел достаточно много земель и даже королевств, прежде чем сообразил, что даже не знаю, отыщу ли дорогу обратно.

– Сколько вашему отцу лет? – спросил он внезапно.

Я сделал вид, что смутился.

– Ваше Величество, этого никто не знает...

– Я так и думал, – буркнул он. – Иначе как объяснить такое устарелое мышление... Мне тоже готовят эликсиры, но все не то... Говорят, есть такие, что можно жить вечно. В смысле, от старости не помрешь. Возможно, потому ваш отец и ушел в леса, чтобы избежать драк?... В драках убьют и бессмертного. Ладно, давайте о более веселом. Я не могу отпустить вас, не наградив. Нельзя, чтобы обо мне пошла молва как о неблагодарном правителе.

Я ответил твердо:

– Ваше Величество, я не приму награды! Иначе что обо мне могут подумать?

Он воззрился на меня с изумлением.

– Вас это тревожит?

– А как же!

– Ладно, а что могут подумать?

– Что я действовал из-за корысти!

– Ну да, – сказал он, – а как иначе... Или у вас были другие мотивы?

Я сказал с досадой:

– Ваше Величество, я же предупредил, что я из медвежьего угла. Да, у меня были другие мотивы... Они вам кажутся невероятными? Что делать, вот такой я дикарь. Увидел, что некто пытается убить весьма почтенного... по крайней мере с виду, человека, вот и поспешил воспрепятствовать.

Эльрих хмыкнул, а король пробурчал:

– Да, неплохо воспрепятствовали. В лепешку. Эх, молодость... Ладно, тогда примите вот это кольцо.

Он снял с пальца кольцо, оно блеснуло большим рубином. Эльрих посмотрел на меня и кивнул за спиной короля.

Я покачал головой.

– Ваше Величество...

– Берите, – велел король строго. – Дело не в его цене! Это пропуск на все багеры, воздушные и наземные. Большие и малые. А также во все учреждения. Кроме того, если вам понадобится помощь, покажите это кольцо начальнику любого гарнизона или просто страже.

Он опустил кольцо мне на ладонь, я поклонился все еще с нерешительностью, но Эльрих делал за спиной короля энергичные знаки, чтобы я не спорил.

– Благодарю за щедрый дар, – сказал я. – Вы действительно щедры, Ваше Величество.

Он поморщился.

– Ну, думаю, моя старая шкура стоит дороже этого перстня... Кстати, там на внутренней стороне имя демона. Совершенно бесполезный, правда, но бывает забавен.

Я насторожился:

– Демона?

– Безобидного, – повторил он. – Но забавного. Да вы сами увидите... Главное, это откроет вам доступ на все багеры.

– А также grosбагеры и grandбагеры, – добавил барон фон Эльрих. – Это немало, маркиз. Остальные всякий раз заново испрашивают разрешение!

Король нахмурился, уже думая о другом, поджал губы и нервно побарабанил пальцами по подлокотнику.

– Жаль, что вы ту сволочь так, – пробормотал он, – любопытно бы узнать, кто его подослал... Да знаю-знаю, что вы и так оттягивали до последнего момента... Это не в укор, просто жаль, что допросить не удалось.

Барон Эльрих пошевелился, посмотрел на меня, на короля.

– Вы думаете, – спросил он негромко, – конечно же, на Гамелина Солского?... Это настолько похоже на его методы, что мы должны бы обязательно искать в другом направлении. Значит, это все-таки Гамелин. А вы как думаете, маркиз?

Я развел руками.

– Понятия не имею, кто такой Гамелин. Но знаю, что бедные бунтовали очень редко и только против плохой власти, а вот богатые – всегда и против любой. Этот Гамелин богат?

Эльрих захохотал.

– Богаче его только Его Величество... наверное. Гамелин из Солска – самый могущественный лорд королевства Гессен, он издавна тяготеет к Гюнтеру Бекштайну – королю Ван-дома, нашему соседу. Как видите, Ваше Величество, в медвежьих углах нет лоска, но есть звериная интуиция.

Король недовольно хрюкнул, но не то чтобы не согласился, а скорее потому, что барон назвал слишком уж сильного или неудобного противника.

– Ладно, – проворчал он, – будем думать. Маркиз, еще раз благодарю вас. Не часто встретишь человека, который вот так бездумно бросается не помощь, еще не зная, что ему за это будет. Приготовьтесь, что вас будут считать либо дураком, либо хитрецом, который просчитал все на много ходов.

Я подхватился, отвесил поклон.

– Желаю покойной ночи, Ваше Величество!..

Эльрих закрыл за мной дверь, королевские стражи проводили меня пристальными взглядами, запоминая. Может быть, даже рассмотрели на моем пальце массивный перстень с королевским гербом.

Я спустился по лестнице и почти сразу наткнулся на веселящихся леди Элизабет и ее великовозрастного племянника Эйсейбио.

Их, вернее леди Элизабет, сопровождали граф Гаррос и лорд Шуй, умело оттирая остальных придворных хлыщей, что тоже тащились следом, бросали на нее восторженные взгляды, громко говорили витиеватые комплименты.

Я ощутил на себе ее внимательный взгляд, остановился и отвесил почтительный поклон. Она сказала весело:

– Маркиз, вы герой!.. Я вижу, придворные дамы наперебой спешат выказать вам свое расположение.

– Да? – спросил я с удивлением. – Укажите пальцем, а то я туповат несколько...

Эйсейбио и лорд Шуй довольно заржали, Гаррос повторил с удовольствием:

– Туповат?.. Ну и что, если вы туповаты, маркиз?.. Мой конь тоже туповат, но он хорош, хорош...

Все с удовольствием заржали. Я посмотрел на Элизабет и развел руками.

– Вот видите, леди? Я даже такого юмора не понимаю.

Она беспечно улыбнулась.

– Ну и что? Присоединяйтесь к нам, маркиз! С нами весело.

Я покачал головой.

– Простите, леди, умоляю позволить мне идти своей дорогой.

Она сказала безапелляционно:

– Нет! Вы пойдете с нами. И будете развлекать меня. Нам вот только что лорд Шуй рассказал очень любопытную вещь! Представляете, в диких странах Севера существует варварский обычай тетравленда. Ужас, правда? А вот у нас на Юге только моногамия. Это когда мужчина имеет одну жену и только одну любовницу.

– Прогресс, – согласился я. – Но, полагаю, в тетравленде тоже что-то привлекательное, не так ли?

Граф Гаррос гаденько хихикнул, но покачал головой, а лорд Шуй развел руками.

– Только, – сказал он со смешком, но серьезно, – если бы дело касалось не жен, а любовниц. Десять любовниц – прекрасно, а десять жен... Бр-р-р-р!

– Понимаю вас, – согласился я. – Сам не люблю обязанностей. Жен надо хотя бы содержать, это самое малое, что надо делать, а любовниц и содержать необязательно. Да, я вас понимаю...

Элизабет как-то странно посмотрела на меня.

– Маркиз, что вам не нравится?

– Все, – заверил я. – Как раз мне такая легкость и нравится. Ее безответственностью всякие зануды обзывают, но нам на них плевать. Зато мы продвинутее.

– Да? А то мне показалось...

– Это показалось, – заверил я. – Я нормальный, леди Элизабет! И все-таки я с вашего позволения пойду, пойду, пойду...

Еще раз поклонившись, я пошел мимо и дальше. Стражи открыли передо мной двери, я еще успел услышать за спиной возмущенный окрик леди Элизабет. Ее поспешно успокаивали придворные, уверяя, что незачем в их блестящем обществе такая деревенщина.

Они удалились, а я подумал вслед угрюмо, что хрен я нормальный. На Севере зима и толстый снег укрыл дороги, но едва все растает, и дороги начнут подсыхать, я заставлю эту ленивую и безответственную скотину, гордо именуемую благородным рыцарем Ричардом, вернуться и заняться ужасающе скучным, но необходимым развитием сельского и прочего рогатого хозяйства.

В отведенных мне покоях все так же горят, не сгорая, толстые свечи, в камине полыхает жаркое пламя, но воздух в комнате чистый, свежий и прохладный, а на столе на блюдах разложены засахаренные фрукты и кубики чего-то непонятного, но, видимо, лакомого.

Я сел в кресло лицом к двери, в коридоре тихо, снял с пальца королевский подарок. На внутренней стороне полустертая надпись, я с трудом прочитал, шевеля губами, как малограмотный:

– Серфээкр... а-сто семидесятый-цэ-семь-альфа-четыреста... двадцать третий...

Над ухом послышался тоненький голосок, почти комариный:

– Слушаюсь, повелитель.

Глава 11

Я отшатнулся, обалдело посмотрел по сторонам. Мелькнуло нечто пурпурное, но тут же исчезло. Я собрался с духом и проговорил твердым голосом человека с железной волей:

– Не мельтеши, а явись передо мной!

Я смотрел в пространство над столом, ожидая, что демон появится по ту сторону, там места хватит и для слона, но после моего грозного поведения крохотное красное тельце, размером с божью коровку с распущенными крыльями, повисло над столом на расстоянии вытянутой руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.